706
092

Ад. М. Беркенгеймъ.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО

ВЪ СИБИРИ.

(ПО ЛИЧНЫМЪ НАБЛЮДЕНІЯМЪ И ОФФИЦІАЛЬНЫМЪ ДАННЫМЪ).

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. д.
1902.

250—
902

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 34519 / 1964

Б 459

Переселенческое дѣло въ Сибири.

Русское переселенческое дѣло нѣсколько отличается отъ переселенческаго дѣла другихъ европейскихъ народовъ. Въ то время какъ народамъ Западной Европы въ большинствѣ случаевъ приходится отпускать своихъ эмигрантовъ за океанъ либо въ свои же колоніи, либо въ другія самостоятельныя заокеанскія государства, нашимъ крестьянамъ приходится переселяться или въ менѣе заселенныя губерніи Европейской же Россіи, какъ Оренбургская, Уфимская, Черноморская, или же въ губерніи Сибири, представляющія гораздо большее сходство съ губерніями Европейской Россіи, чѣмъ какое существуетъ между европейскими государствами съ одной стороны и колоніями или республиками Новаго Свѣта съ другой.

Въ нашемъ государствѣ, такимъ образомъ, совпадаетъ воедино страна, принимающая эмигрантовъ, со страной, отпускающей ихъ; одному и тому же правительству нашему приходится заботиться какъ объ урегулированіи и нормированіи эмиграціи изъ внутреннихъ губерній, такъ и объ упорядоченіи иммиграціи въ другія области. Съ одной стороны нашему правительству приходится слѣдовать примѣру правительства итальянскаго, которое вынуждено заботиться о регулированіи эмиграціоннаго движенія изъ Италіи въ государства Южной Америки, съ другой стороны нашимъ властямъ приходится слѣдовать примѣру правительства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, правительствъ Австралійскихъ колоній или республикъ Южной Америки, которыя всячески заботятся объ упорядоченіи иммиграціоннаго движенія.

Очевидно, слѣдовательно, что роль нашего правительства въ

А. БЕРКЕНГЕЙМЪ.

КАБИНЕТ 1

данномъ случаѣ осложняется и въ то же время существенно отличается отъ роли, выпадающей на долю правительствъ переименованныхъ странъ. Нашему правительству приходится согласовать интересы страны, выпускающей эмигрантовъ, съ интересами страны, принимающей иммигрантовъ. Между тѣмъ интересы эти часто діаметрально противоположны. Въ большинствѣ случаевъ страна, выпускающая эмигрантовъ, заинтересована въ возможномъ уменьшеніи числа переселенцевъ, такъ какъ съ каждымъ эмигрантомъ теряетъ рабочую и платежную силу. Примѣровъ, когда правительство страны съ значительной эмиграціей поощряло бы эту эмиграцію, чрезвычайно мало; укажемъ, какъ на исключеніе, на поощреніе англійскимъ правительствомъ эмиграціи ирланцевъ или русскимъ—эмиграціи евреевъ. Наоборотъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ страна со слабымъ кореннымъ населеніемъ, имѣющая еще слишкомъ большой земельный просторъ, всячески поощряетъ увеличеніе числа иммигрантовъ, справедливо усматривая въ каждомъ переселенцѣ залогъ своего прогресса, видя въ немъ новаго рабочаго и новаго плательщика. Этимъ объясняется, что часто въ счетъ будущихъ доходовъ отъ такихъ новыхъ плательщиковъ правительство такой страны испрашиваетъ у парламента кредиты на предоставленіе дарового проѣзда въ страну лицамъ, желающимъ въ ней поселиться. Такіе кредиты испрашивались большинствомъ правительствъ Южно-Американскихъ республикъ и Австралійскихъ колоній. Однако, наряду съ этимъ въ нѣкоторыхъ странахъ, способныхъ еще поглотить значительное число иммигрантовъ, правительство, наоборотъ, высказывается за ограниченіе иммиграціи. Въ этомъ отношеніи всѣмъ извѣстенъ примѣръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, въ которыхъ въ относительно недавнее время проведены были билли, имѣющіе цѣлью ограничить иммиграцію. Еще интереснѣе въ этомъ отношеніи нѣкоторыя колоніи въ Австраліи, которыя еще отнюдь нельзя считать перенаселенными. Многіе государственные люди Новаго Южнаго Уэльса, напримѣръ, ратовали за всяческое ограниченіе числа иммигрантовъ во имя интересовъ уже существующаго населенія колоніи, во избѣжаніе конкуренціи рабочимъ и фермерамъ.

Всѣ такіе примѣры являются, однако, исключеніями. Общимъ правиломъ слѣдуетъ считать, что правительство страны съ развитой *эмиграціей* заинтересовано въ томъ, чтобъ эмиграція по возмож-

ности была *слабье* и, наоборотъ, правительство страны съ развитой *иммиграціей* заинтересовано въ томъ, чтобъ иммиграція была *сильнье*, но, конечно, въ обоихъ случаяхъ до извѣстныхъ предѣловъ. Какъ слишкомъ слабая эмиграція изъ страны, переполненной жителями, такъ и слишкомъ сильная иммиграція въ страну съ слабымъ кореннымъ населеніемъ, уже противорѣчитъ интересамъ такихъ странъ.

Изъ этого мы видимъ, насколько осложняется роль нашего правительства, которому приходится согласовать интересы губерній Европейской Россіи, изъ которыхъ выходятъ переселенцы, съ интересами губерній Азіатской Россіи, куда направляются наши эмигранты. Дѣло затрудняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что губерніи, оставляемыя переселенцами, часто отнюдь еще не могутъ сами считаться густо населенными. Переселенія изъ этихъ губерній вызываются не переполненіемъ ихъ жителями, а другими причинами. Съ другой стороны въ нѣкоторыхъ областяхъ, служащихъ цѣлью стремленій переселенцевъ, напр., въ Кокчетавскомъ уѣздѣ Акмолинской области, еще въ большей степени затрогиваются интересы мѣстнаго населенія (въ данномъ случаѣ киргизскаго), чѣмъ это имѣетъ, напр., мѣсто въ Нов. Южномъ Уэльсѣ,

Не безполезно при этомъ обратить вниманіе, что, если приравнять нашихъ переселенцевъ къ эмигрантамъ западно-европейскихъ государствъ, то наше отечество по общему числу такихъ эмигрантовъ занимаетъ первое мѣсто послѣ Великобританіи и Ирландіи. Мы далеко превзошли въ этомъ отношеніи Германію, гдѣ эмиграція съ каждымъ годомъ сильно ослабѣвала и съ 150,000 человѣкъ приблизительно въ 1891 году, въ послѣдніе годы едва насчитывала 20.000 эмигрантовъ въ то время, какъ у насъ, наоборотъ число однихъ сибирскихъ переселенцевъ съ 25.000 въ 1887 году черезъ десять лѣтъ поднялось до ежегодной цифры въ 200,000 человѣкъ. Съ другой стороны, если сравнить Азіатскую Россію съ другими странами міра, куда направляется иммиграція, мы опять занимаемъ по числу иммигрантовъ первое мѣсто послѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Изъ этихъ сравнительныхъ цифровыхъ данныхъ слѣдуетъ, что въ настоящее время переселенческій вопросъ является вопросомъ крупной важности и заслуживаетъ у насъ, во всякомъ случаѣ, того же вниманія, какимъ вопросы эмиграціи или иммиграціи стали

давно пользоваться у другихъ народовъ. Важность вопроса сознана у насъ и высшимъ правительствомъ, что явствуетъ изъ факта основанія въ 1897 году спеціальнаго Переселенческаго Управленія при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

I.

Въ нашемъ переселенческомъ дѣлѣ слѣдуетъ различать четыре фазы, изъ коихъ каждая должна быть разсмотрѣна отдѣльно. Фазы эти слѣдующія:

1) оставленіе переселенцами родныхъ мѣстъ и сборы ихъ въ далекій путь для выбора новой родины;

2) движеніе переселенцевъ на новыя мѣста;

3) появленіе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ и первоначальное ихъ устройство;

4) упроченіе новаго мѣстожительства или же новое его оставленіе съ цѣлью исканія новаго мѣста или возвращенія на родину.

Первая фаза начинается съ того момента, когда переселенецъ рѣшается на переселеніе. Въ европейскихъ государствахъ различаютъ два типа эмигрантовъ. Одни эмигрируютъ *на время* съ твердымъ рѣшеніемъ при первой возможности вернуться обратно на родину. Такіе эмигранты состоятъ изъ ремесленниковъ и земледѣльческихъ рабочихъ. Между ними наибольшій интересъ представляютъ земледѣльческіе рабочіе, которые отправляются изъ государствъ Европы въ государства южнаго полушарія и при этомъ пользуются несовпаденіемъ временъ года и періодовъ полевыхъ работъ въ сѣверномъ и южномъ полушаріи. Съ окончаніемъ уборки хлѣбовъ и винограда въ Италіи и Испаніи десятки тысячъ рабочихъ отправляются изъ этихъ странъ на заработки въ Бразилію и Аргентину и прибываютъ туда къ періоду уборки хлѣбовъ. Проработавши здѣсь полевой періодъ, такіе рабочіе затѣмъ снова покидаютъ страну и возвращаются на родину къ началу слѣдующаго земледѣльческаго сезона.

Нечего, конечно, говорить о томъ, что этотъ контингентъ иммигрантовъ состоитъ почти исключительно изъ мужчинъ, при томъ въ возрастѣ наибольшей рабочей зрѣлости. Надо замѣтить, что изъ этихъ временныхъ иммигрантовъ позднѣе составляются кадры иммигрантовъ второго типа, оставляющихъ свою родину *навсегда*.

Такіе эмигрируютъ уже семействами; предъ оставленіемъ родины они распродаютъ все, что не могутъ увезти съ собой. Наиболѣе интересны для той страны, куда они иммигрируютъ, тѣ изъ нихъ, которые и на родинѣ имѣли свое собственное хозяйство и ликвидировали его предъ отъѣздомъ. Такіе иммигранты являются на новую родину съ нѣкоторыми средствами, а, главное, съ умѣньемъ вести самостоятельно дѣло. Имъ приходится только примѣниться къ новымъ условіямъ хозяйства, въ чемъ имъ, конечно, помогаютъ сородичи, переселившіеся ранѣе ихъ.

Менѣе желательнымъ для страны, воспринимающей иммигрантовъ, является другой элементъ переселенцевъ, состоящій изъ людей или вовсе не занимавшихся хозяйствомъ у себя дома, или составлявшихъ на родинѣ контингентъ батраковъ и поэтому являющихся въ новую страну безъ всякихъ капиталовъ, а, главное, безъ опыта, знаній и умѣнья вести хозяйство. Такіе иммигранты составляютъ въ новой странѣ контингентъ рабочихъ, но уже не временныхъ, а постоянныхъ.

Къ какому изъ только что приведенныхъ типовъ европейскихъ эмигрантовъ принадлежатъ наши переселенцы? У насъ, какъ каждому извѣстно, каждый годъ предъ наступленіемъ страдной поры имѣетъ мѣсто интенсивное передвиженіе рабочихъ и массовое ихъ скопленіе на нѣсколькихъ излюбленныхъ пунктахъ, являющихся какъ бы рынками труда. Такіе рабочіе до недавняго времени двигались лишь въ южныя губерніи и только въ наиболѣе близкія изъ юго-восточныхъ, въ Сибирь же они не попадали вовсе. Причиной этому служило отнюдь не отсутствіе спроса на рабочихъ въ губерніяхъ Сибири, а слишкомъ большая стоимость проѣзда въ Сибирь изъ тѣхъ губерній, изъ которыхъ выходитъ у насъ избытокъ рабочей силы, и, во-вторыхъ, невозможность для сибиряка уплачивать за трудъ деньгами. Какъ во многихъ другихъ менѣе культурныхъ странахъ, въ Сибири за трудъ еще понынѣ стараются платить натурой, т. е. опредѣленнымъ количествомъ пудовъ пшеницы или ржи—или долей урожая и предоставленіемъ живого и мертваго инвентаря, или участка обработанной земли въ распоряженіе рабочаго. Только въ относительно недавнее время и то лишь въ очень ограниченномъ количествѣ въ Сибирь стали наѣзжать рабочіе на страдную пору. Намъ пришлось натолкнуться на нѣсколько случаевъ, гдѣ такіе рабочіе пріѣзжали въ Сибирь съ расчетомъ на

несовпаденіе періодовъ уборки хлѣбовъ въ Сибири и ихъ родинѣ въ Европейской Россіи.

Никто, однако, не причисляетъ у насъ такихъ рабочихъ къ переселенцамъ. Переселенцами считаются только такія крестьянскія семейства, которыя рѣшаются оставить свои родныя мѣста навсегда, которыя оставляютъ свои надѣлы, распродаютъ свое хозяйство и идутъ на новыя мѣста съ цѣлью тамъ прочно обосноваться. Такимъ образомъ наши переселенцы относятся ко второму изъ указанныхъ выше типовъ европейскихъ эмигрантовъ. По сравненію съ послѣдними наши переселенцы отличаются гораздо большимъ процентомъ такихъ элементовъ, которые вели на родинѣ собственное хозяйство. Нѣкоторую аналогію съ эмигрантами изъ европейскихъ странъ, которые на родинѣ не занимались хозяйствомъ и земледѣліемъ, представляютъ тѣ изъ нашихъ переселенцевъ, которые выселяются изъ центральныхъ губерній со значительнымъ фабричнымъ населеніемъ. Переселенцы этого типа даютъ наименѣе устойчивый и всего менѣе желательный элементъ; намъ неоднократно приходилось слышать въ Сибири замѣчанія, что эти то переселенцы наиболѣе недовольны своей судьбой и при первой возможности рвутся въ обратный путь. Но такіе элементы составляютъ относительно небольшой процентъ; главную же массу переселенцевъ образуютъ крестьянскія семьи, занимавшіяся дома исключительно земледѣліемъ и имѣвшія свое собственное хозяйство.

Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ переселенцы добиваются разрѣшенія на переселеніе. какъ они оставляютъ родные углы и какъ они собираются въ далекій путь.

Еще не въ столь далекія времена, всего до начала 80-хъ годовъ, переселеніе крестьянъ въ Сибирь, несмотря на отдѣльныя сепаратныя распоряженія и указанія правительства, въ общемъ имѣло характеръ вполнѣ самовольнаго переселенія. По точному смыслу закона [1]) самовольное переселеніе запрещалось, и всякій разъ, какъ затѣвавшіе переселеніе крестьяне обращались къ правительству съ ходатайствомъ объ отводѣ казенныхъ земель,

---

[1]) Ст. 948 Улож. Наказ. „Тѣ, которые вслѣдствіе подговора или по собственному побужденію, будутъ, не имѣя на то права или особаго по установленному порядку разрѣшенія, дѣлать приготовленія къ переселенію или же дѣйствительно пойдутъ на другія мѣста, подвергаются за сіе: аресту на время отъ 2-хъ недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ“.

они встрѣчали отказъ въ удовлетвореніи этого ходатайства „по отсутствію законныхъ основаній“; тѣмъ не менѣе крестьяне, рѣшавшіеся на переселеніе, переселялись, добивались на родинѣ увольнительныхъ приговоровъ, въ Сибири—пріемныхъ, и, словомъ, въ концѣ концовъ, ихъ фактическое переселеніе узаконялось. Только въ началѣ 80-хъ годовъ положено было начало длинному ряду законовъ, циркуляровъ, распоряженій по этому важному явленію народной жизни. Укажемъ, что, начиная съ 1890 года, касающихся исключительно переселенческаго дѣла Высочайшихъ повелѣній, Высочайше утвержденныхъ правилъ и постановленій, мнѣній Государственнаго Совѣта, Положеній Комитета Сибирской желѣзной дороги, Положеній Комитета Министровъ, циркуляровъ и разъясненій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ и Земледѣлія и Департамента желѣзныхъ дорогъ было издано около 125; за предшествующее десятилѣтіе ихъ было всего 5. Въ то же время за послѣдніе годы разныхъ циркуляровъ губернаторскихъ, касающихся переселенческаго дѣла, въ одной Тобольской губерніи было безъ малаго 100.

Уже изъ этой статистики правительственныхъ распоряженій явствуетъ, сколько вниманія и заботъ было положено къ урегулированію этого важнаго вопроса государственной жизни. Но, не указываетъ ли самое обиліе этихъ узаконеній за столь небольшой промежутокъ времени и та скорость, съ какой одни распоряженія или циркуляры замѣнялись другими, иногда діаметрально противоположными, не указываетъ ли все это на чрезвычайную неустойчивость взглядовъ въ такомъ важномъ государственномъ дѣлѣ?

Мы попытаемся доказать, что неустойчивость эта проявляется въ самыхъ коренныхъ вопросахъ дѣла, и мы теперь же выскажемъ предположеніе, что она вызывается прежде всего указанной выше двойственной ролью нашего правительства, долженствующаго съ одной стороны оберегать интересы Европейской Россіи, какъ страны, изъ которой эмигрируютъ жители, а съ другой интересы Азіатской Россіи, въ которую переселяются эти эмигранты изъ Европейской Россіи. Правительству Сѣверо-Американскихъ Штатовъ или Аргентинской республики вовсе нѣтъ дѣла до родственниковъ, оставленныхъ иммигрантами на родинѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда эмигрируютъ только отдѣльные члены семьи, а не все семейство, и уже, конечно, совсѣмъ нѣтъ дѣла до сосѣдей или односельчанъ эмигран-

товъ, когда изъ общества выходятъ отдѣльныя семьи. Совсѣмъ не такъ вынуждено смотрѣть наше правительство, и спеціальнымъ распоряженіемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ строго предписывается при разсмотрѣніи ходатайствъ о переселеніи имѣть въ виду, чтобы ходатайства эти не противорѣчили интересамъ лицъ, остающихся на родинѣ; особое вниманіе обращается при этомъ на то, чтобы не оставались въ безпомощномъ положеніи старики, которые, за выходомъ изъ общества взрослыхъ сыновей, могутъ лишиться всякихъ источниковъ къ существованію. Вслѣдствіе этого переселенцы всегда везутъ съ собою своихъ дряхлыхъ стариковъ, между тѣмъ какъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ чуть ли не прямо запрещается въѣздъ такимъ старикамъ въ страну. Но заботы русскаго правительства объ остающихся на родинѣ, при выдачѣ крестьянамъ разрѣшенія на переселеніе, отнюдь не ограничиваются заботами о ближайшихъ родственникахъ желающихъ переселиться; распоряженіемъ Министерства предписывается при разсмотрѣніи ходатайства о переселеніи съ возможною подробностью выяснять, будетъ ли это переселеніе вредно или полезно для всего того крестьянскаго общества, къ которому желающіе переселиться принадлежатъ, и даже для всей области, откуда направляется переселеніе. Для охраненія интересовъ крестьянскаго общества, изъ котораго уходятъ переселенцы, установлено, чтобы переселеніе разрѣшалось лишь такому числу душъ, при выселеніи которыхъ надѣлы остающихся, увеличенные надѣлами переселяющихся, не превышали на каждую остающуюся душу высшаго или указнаго надѣла, опредѣляемаго для данной мѣстности въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 года.

Значительно меньшей опредѣленностью отличаются стремленія правительства къ охраненію интересовъ тѣхъ областей, откуда направляются переселенцы. Да возможно ли и установить границы, когда переселеніе уже вредитъ хозяйственнымъ интересамъ всей той области, изъ коей направляется переселеніе? Понятно, что въ этомъ существенномъ вопросѣ могутъ быть діаметрально противоположные взгляды; одни могутъ считать полезнымъ для области то, что другими считается вреднымъ для нея; тутъ встрѣчаются интересы различныхъ сословій, различныхъ классовъ населенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ то, что полезно для крупныхъ земельвладѣльцевъ, не полезно для крестьянъ, и наоборотъ. Что же въ

такомъ случаѣ считать полезнымъ для всей области? Очевидно, что въ этомъ случаѣ установить нормы, строго опредѣленныя правила, — крайне трудно. Въ виду этого въ основѣ всѣхъ дѣйствій и мѣропріятій правительства по переселенческому дѣлу лежитъ лишь тотъ основной принципъ, что переселеніе не поощряется, а только допускается правительствомъ; оно какъ бы признается возможнымъ, покуда не принимаетъ въ каждомъ данномъ районѣ значительнаго развитія. Только въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда переселеніе связано съ опредѣленнымъ государственнымъ интересомъ, оно прямо поощряется, какъ это, напримѣръ, было для цѣлей скорѣйшаго заселенія Южно-Уссурійскаго края.

Надо, впрочемъ, сказать, что въ этомъ отношеніи въ дѣйствіяхъ нашего правительства нельзя усмотрѣть чего-либо исключительнаго или оригинальнаго. Такое же, скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное отношеніе къ эмиграціонному дѣлу проявляли правительства всѣхъ странъ, гдѣ оно принимало значительные размѣры, проявляло массовой характеръ. Только сравнительно въ немногихъ случаяхъ правительства разныхъ странъ поощряли переселенія своихъ гражданъ [1]). Если не считать этихъ исключительныхъ случаевъ, то почти всѣ государства въ свое время считали благоразумными мѣры, направленныя противъ эмиграціи, хотя тѣми же правительствами нынѣ мѣры эти часто уже не примѣняются. Отрицательное отношеніе къ эмиграціи проявляла нѣкогда и Испанія въ столѣтія своего велпчія; такое же отношеніе проявляла и Англія въ XVIII вѣкѣ. Да и въ наше время у разныхъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Англіи, мы встрѣчаемся еще съ вмѣшательствомъ правительства въ дѣло эмиграціи, съ цѣлью ея ограниченія, всякій разъ, когда она въ томъ или другомъ государствѣ принимаетъ обширные размѣры. Такъ какъ, однако, прямое запрещеніе эмиграціи противорѣчитъ основамъ гражданской свободы и конституцій этихъ странъ, то иногда, какъ это было въ Италіи, возникали вопросы о томъ, имѣетъ ли государственная власть право ограничивать эмиграцію, хотя бы и массовую. Въ Италіи лучшіе публицисты и юристы высказались по отношенію къ этому вопросу въ пользу государства, и основной законъ, регламенти-

---

[1]) Выселеніе мавровъ и евреевъ изъ Испаніи, выселеніе гугенотовъ изъ Франціи, выселеніе ирландцевъ изъ Ирландіи, выселеніе русскихъ евреевъ и т. п.

рующій эмиграцію, проведенъ въ парламентѣ лишь 30 декабря 1888 года; 10 января 1889 года на основаніи этого закона установлены административныя правила, нормирующія эмиграцію; декретомъ 27 ноября 1891 года эти правила подверглись измѣненію. Почти одновременно съ Италіей такой же законъ, стремящійся къ ограниченію эмиграціи, установленъ въ Португаліи, при чемъ основаніемъ къ его изданію прямо служило опасеніе, что цѣлый рядъ селеній въ сѣверныхъ провинціяхъ Португаліи совершенно лишится жителей вслѣдствіе эмиграціи.

Интересно вмѣшательство князя Бисмарка въ дѣло германской эмиграціи и безуспѣшное стремленіе его къ ея ограниченію. Любопытно, что въ то время какъ всѣ старанія „желѣзнаго канцлера“ остались тщетными, эмиграція уже послѣ удаленія Бисмарка съ арены государственной дѣятельности стала сама ослабѣвать безъ всякихъ прямыхъ ограничительныхъ мѣръ со стороны правительства, и, какъ мы указывали выше, количество эмигрантовъ изъ Германіи съ значительной цифры 150,000 въ годъ во времена Бисмарка, нынѣ упала до сравнительно ничтожнаго количества—20,000 въ годъ. Паденіе это произошло какъ разъ тогда, когда наоборотъ германское правительство, выступивъ на путь колоніальныхъ стремленій, готово было бы поощрять эмиграцію во вновь пріобрѣтенныя колоніи въ Африкѣ, Азіи и Полинезіи. Это естественное паденіе числа эмигрантовъ въ Германіи объясняется развитіемъ германской промышленности, подъемомъ общаго благосостоянія и, отчасти, мѣрами правительства къ мобилизаціи земель изъ рукъ юнкеровъ въ руки крестьянъ.

Такимъ образомъ, наше правительство до извѣстной степени повторяетъ въ своемъ отношеніи къ переселенческому дѣлу то же, что дѣлалось и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Средствомъ къ ограниченію переселенія служитъ требованіе, проведенное законодательнымъ порядкомъ, чтобы каждый, желающій переселиться въ Сибирь, получилъ на то разрѣшеніе подлежащихъ властей. Для получившихъ разрѣшеніе установлено спеціальное *проходное свидѣтельство*. Предполагалось, такимъ образомъ, совершенно уничтожить самовольное переселеніе, т. е. переселеніе безъ всякихъ документовъ или по простымъ паспортамъ. Укажемъ, что нѣчто въ этомъ же родѣ установлено было въ свое время въ Италіи, гдѣ каждый переселенецъ обязанъ былъ выхлопотать auto-

rizatione мѣстныхъ властей, получить спеціальный паспортъ и представить денежное обезпеченіе въ 200 лиръ.

Если такимъ образомъ въ мѣрахъ нашего правительства для нормированія переселеній изъ внутреннихъ губерній мы видимъ повтореніе того же, что ранѣе предпринималось правительствами другихъ государствъ, мы не можемъ однако усмотрѣть той же строгой устойчивости въ проведеніи этихъ мѣръ, какая имѣла мѣсто у другихъ народовъ. Несмотря на строгія правила, распоряженія и циркуляры относительно самовольныхъ переселенцевъ, лишавшіе ихъ правъ на надѣлы и правъ на какую бы то ни было помощь, фактически относительно такихъ самовольныхъ переселенцевъ каждый годъ издавались въ концѣ концовъ спеціальные циркуляры и секретныя распоряженія, разрѣшавшіе устраивать этихъ переселенцевъ на казенныхъ земляхъ и предписывавшіе оказывать имъ помощь. Ни мѣстныя власти, ни лица, командировавшіяся высшимъ правительствомъ для наблюденія за ходомъ переселенческаго дѣла, не были въ состояніи проявлять къ нашимъ переселенцамъ того безсердечія, какое зачастую проявляется по отношенію къ иммигрантамъ въ другихъ иммиграціонныхъ странахъ, напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Для послѣднихъ иммигранты являются совершенно чужими, нерѣдко прямо нежелательными гостями; такой взглядъ на нашихъ переселенцевъ по существу вещей у насъ существовать не можетъ.

И вотъ въ апрѣлѣ 1892 года появляется Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ самовольныхъ переселенцевъ предшествовавшихъ годовъ послѣ того, какъ командированный въ Тобольскую губернію сенаторъ генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ, обративъ вниманіе на крайне бѣдственное положеніе этихъ переселенцевъ, возбудилъ ходатайство объ отводѣ имъ казенныхъ земель наравнѣ съ переселенцами, получившими проходныя свидѣтельства; вслѣдъ затѣмъ такое же Высочайшее повелѣніе послѣдовало относительно самовольныхъ переселенцевъ 1892 года; чрезъ полтора приблизительно года то же самое послѣдовало относительно переселенцевъ 1893 и 1894 гг., а еще чрезъ 9 мѣсяцевъ — относительно переселенцевъ 1895 года. Наконецъ, 15 апрѣля 1896 года появляются уже законодательнымъ путемъ проведенныя измѣненія въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ относительно самовольныхъ переселенцевъ, состоящія въ томъ, что эти послѣдніе водворяются на заготовлен-

ныхъ переселенческихъ участкахъ въ томъ случаѣ, если таковые имѣются въ свободномъ распоряженіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, причемъ, однако, они не пользуются тѣми льготами по воинской повинности, по отстрочкѣ уплаты недоимокъ, какія установлены для переселенцевъ, получившихъ разрѣшеніе. Однако, уже въ началѣ слѣдующаго 1897 года для отвода земель для самовольныхъ переселенцевъ предназначаются однѣ лишь урманныя мѣстности, но это распоряженіе чрезъ 4 мѣсяца отмѣняется. Наконецъ, относительно самовольныхъ переселенцевъ 1898 года уже въ началѣ этого года было издано распоряженіе, что имъ могутъ быть отведены участки исключительно въ урманныхъ мѣстностяхъ Тарскаго округа.

И несмотря на всѣ мѣры правительства къ ограниченію самовольныхъ переселеній, число такихъ переселенцевъ еще очень велико; въ Тобольской губерніи въ 1896 году на 3,300 семей, получившихъ разрѣшеніе, еще было 3,589 самовольно переселившихся. Эти цифры и приведенный выше рядъ распоряженій объ устройствѣ самовольныхъ переселенцевъ ясно показываютъ, какъ трудно справиться съ сѣрой крестьянской массой, какъ мало дѣйствуютъ и строгія распоряженія и строгая власть въ тѣхъ случаяхъ, когда эта масса приходитъ въ тотъ или другой видъ движенія естественнымъ путемъ, въ силу существенныхъ условій своего быта.

Остановимся теперь нѣсколько на томъ порядкѣ, который установленъ у насъ для выдачи разрѣшеній желающимъ переселиться. По основному закону 13 іюля 1889 г. просьбы о разрѣшеніи переселенія подавались по мѣсту приписки губернатору, который представлялъ ихъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ вмѣстѣ со свѣдѣніями объ имущественномъ и хозяйственномъ положеніи просителей и съ заключеніемъ мѣстнаго Губернскаго по Крестьянскимъ дѣламъ Присутствія. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сносился по такимъ ходатайствамъ съ Министромъ Государственныхъ Имуществъ и затѣмъ общее обоихъ министромъ рѣшеніе сообщалось подлежащему губернатору для объявленія просителямъ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ Земскій Отдѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ вѣдѣніе котораго перешло разсмотрѣніе этихъ прошеній, прямо былъ заваленъ прошеніями о разрѣшеніи переселиться. Предоставленіе закономъ права выдачи разрѣшеній на

переселеніе псключительно высшимъ органамъ власти въ Имперіи должно быть объяснено исключительно стремленіемъ правительства затруднить и умѣрить переселенія; и въ самомъ дѣлѣ, какъ указываетъ А. А. Кауфманъ, число выданныхъ разрѣшеній съ изданіемъ закона сильно сократилось: въ 1887 году выдано 9,000 разрѣшеній, въ 1888 г.—19,000, а въ 1889 гому лишь 2,000, въ 1890 г.—7,600, въ 1891 году столько же.

Съ открытіемъ дѣйствій Комитета по сооруженію Сибирской желѣзной дороги взгляды правительства на переселенческое дѣло на время существенно измѣнились. Комитетъ Сибирской желѣзной дороги, ставшій временнымъ органомъ высшаго правительства, естественно сдѣлался охранителемъ интересовъ преимущественно Сибири тамъ, гдѣ интересы этой колоніи встрѣчались съ интересами Европейской Россіи, являющейся по отношенію къ Сибири какъ бы метрополіей. Въ задачи Комитета Сибирской дороги, которая должна была пройти по многимъ почти вовсе не населеннымъ мѣстамъ, вошла не одна постройка этой великой магистрали, но и заселеніе пустопорожнихъ пространствъ по обѣимъ сторонамъ линіи. Роль Комитета Сибирской желѣзной дороги до извѣстной степени совпала съ ролью Правленія Общества Тихо-Океанской желѣзной дороги въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, или ролью Центрально-Аргентинской желѣзной дороги въ Аргентинской республикѣ, получившихъ отъ соотвѣтственныхъ правительствъ одновременно съ концессіей на постройку желѣзной дороги также и концессію на колонизацію полосы территоріи по обѣимъ сторонамъ линіи желѣзной дороги.

Впервые вопросъ о томъ, должно ли поощрять или подавлять переселеніе въ Сибирь, поставленъ былъ съ точки зрѣнія страны *иммиграціонной*, а не страны эмиграціонной. Повидимому взгляды высшихъ представителей правительства въ этомъ вопросѣ нѣсколько разошлись; преобладающее значеніе получаетъ направленіе, благопріятное переселенческому дѣлу. Учреждается особое вѣдомство, такъ называемое Переселенческое Управленіе, вѣдающее дѣла переселенческаго движенія; высшій представитель Комитета Сибирской желѣзной дороги статсъ-секретарь А. Н. Куломзинъ, директоръ Департамента Государственныхъ Имуществъ И. И. Тихѣевъ начальникъ вновь учрежденнаго Переселенческаго Управленія В. И. Гиппіусъ предпринимаютъ спеціальныя поѣздки въ Сибирь для

детальнаго изученія на мѣстѣ переселенческаго дѣла, лично объѣзжаютъ рядъ поселковъ и знакомятся съ участками, назначенными для переселенцевъ.

Однимъ изъ первыхъ послѣдствій появившагося интереса къ переселенческому дѣлу явилось то, что разсмотрѣніе прошеній на разрѣшеніе о переселеніи, лежавшее въ силу закона 13 іюля 1889 года на Министрахъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, перешло по циркуляру Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ вѣдѣніе мѣстныхъ губернаторовъ и Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, которымъ одновременно съ этимъ предписано прошенія о переселеніи разсматривать внѣ очереди съ безотлагательнымъ объявленіемъ просителямъ состоявшагося по нимъ распоряженія. Само собою разумѣется, что, благодаря этому полученіе разрѣшенія сдѣлалось легче, доступнѣе и скорѣе, чѣмъ прежде, когда прошенія о разрѣшеніи переселиться часто многими годами оставались безъ движенія.

Измѣнился въ противоположную сторону и взглядъ на *ходоковъ*, издавна являвшихся распространителями свѣдѣній о сибирскомъ привольѣ: *прежде* они считались опасными агитаторами и всячески преслѣдовались; *теперь* ихъ стали считать очень желательными развѣдчиками переселенческой арміи, способными предохранить послѣднихъ отъ многихъ увлеченій и отъ неосторожныхъ шаговъ. Посылку такихъ ходоковъ сначала рѣшено было только рекомендовать желавшимъ переселиться, а вскорѣ потомъ ихъ стали прямо навязывать. Безъ предварительной посылки ходоковъ Губернскимъ Присутствіямъ прямо было запрещено выдавать разрѣшеніе на переселеніе.

Итакъ, выдача разрѣшеній на переселеніе, на посылку ходоковъ перешло въ вѣдѣніе Губернскаго Присутствія. Фактически собраніе свѣдѣній о заявившихъ желаніе переселиться перешло къ земскимъ начальникамъ, которые собранныя свѣдѣнія вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ должны доставлять Губернскимъ Присутствіямъ. Свѣдѣнія эти должны касаться какъ семейнаго, такъ и экономическаго положенія просителей. Въ доставленныхъ земскими начальниками спискахъ должны быть означены волость и село, откуда просители желаютъ переселиться, имя, отчество, фамилія каждаго домохозяина, желающаго переселиться, и всѣхъ членовъ его семьи, лѣта каждаго изъ нихъ съ подраздѣленіемъ чле-

новъ семьи въ отдѣльныхъ графахъ на мужчинъ и женщинъ. Должны сообщаться отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1) Сколько душъ мужскаго пола ревизскихъ и наличныхъ имѣется въ семьѣ? 2) Сколькими десятинами земли владѣетъ семья, и каково ея качество? 3) Къ какой категоріи принадлежитъ земля: а) *надѣльная* и при томъ выкупаемая при содѣйствіи правительства или же выкупленная, или *дарственная*; б) внѣнадѣльная и при томъ *пріобрѣтенная на собственныя* деньги или *съ содѣйствіемъ крестьянскаго банка?* Не состоитъ ли собственная земля въ залогѣ? 4) Каково прочее имущество просителя? 5) Какова стоимость этого имущества? 6) Каковы наличныя средства просителя на переселеніе? 7) Какъ велика сумма частныхъ долговъ, предъявленныхъ въ волостное правленіе и признаваемыхъ безспорными? 8) Существуютъ ли мѣстные заработки, могущіе обезпечить содержаніемъ крестьянское семейство, и какіе именно? 9) Какова арендная цѣна земли у сосѣднихъ владѣльцевъ? 10) Какъ велики недоимки сборовъ государственныхъ, земскихъ и мірскихъ?

Отвѣчая на всѣ эти вопросы, земскій начальникъ обязанъ высказать и собственное заключеніе, которое, конечно, является рѣшающимъ. Обратимъ вниманіе, что всѣ перечисленныя выше свѣдѣнія, которыя долженъ сообщить земскій начальникъ, представляя на усмотрѣніе Губернскаго Присутствія прошенія желающихъ переселиться, отвѣчаютъ на вопросъ, желательно или нѣтъ, съ точки зрѣнія интересовъ мѣстности, откуда желаетъ крестьянинъ переселиться, чтобъ уходъ этотъ былъ ему разрѣшенъ. Представимъ себѣ случай, что свѣдѣнія, собранныя земскимъ начальникомъ, показываютъ, что экономическое положеніе просителя вовсе не такъ плачевно,—такому просителю, конечно, будетъ отказано. Между тѣмъ, нечего и объяснять, что чѣмъ лучше экономическое положеніе желающаго переселиться, тѣмъ онъ желательнѣе для той области, куда онъ желаетъ переселиться, въ данномъ случаѣ—для Сибири. Свое заключеніе о томъ, разрѣшить ли или нѣтъ просителю переселеніе, земскій начальникъ только съ точки зрѣнія своего пункта, своей области и можетъ сдѣлать, такъ какъ ни условій Сибири, ни ея интересовъ онъ не знаетъ, они для него чужды, почти не существуютъ. Только въ самые послѣдніе годы Переселенческое Управленіе сочло необходимымъ, чтобы лица, отъ которыхъ прежде всего зависитъ разрѣшеніе или

запрещеніе данной семьѣ переселиться, имѣли болѣе или менѣе ясное понятіе о той странѣ, куда они отпускаютъ перселенцевъ, и тѣхъ условій и узаконеній, какимъ переселенцы подвергаются на мѣстахъ своего новаго жительства.

По распоряженію Переселенческаго Управленія были изданы съ этой цѣлью спеціальныя справочныя книжки о Сибири, дающія, однако, о ней слишкомъ поверхностныя свѣдѣнія и отнюдь не снабжающія земскихъ начальниковъ тѣми знаніями, той опытностью въ сибирскихъ условіяхъ, какія необходимы для рѣшенія серьезнаго вопроса о томъ, годна илп нѣтъ для переселенія семья, ходатайствующая о переселеніи. Въ циркулярахъ Министерства тоже установлено въ этомъ отношеніи слишкомъ мало принциповъ. Только въ новѣйшихъ циркулярахъ встрѣчаемъ предписаніе, чтобы не давалось разрѣшеніе на переселенія семьямъ, кои по малочисленности состава или по бѣдности не могутъ разсчитывать на успѣшное устройство своего быта въ Сибири.

Ясно, что постепенно у правительства установился взглядъ, что въ качествѣ переселенцевъ нежелательны малосемейные и бѣдные люди, но мы не видимъ однако яснаго и принципіальнаго опредѣленія, *какого состава семью считать малочисленной* и потому не годной, или *какую семью считать бѣдной* и по бѣдности негодной для переселенія въ Сибирь. И, наоборотъ, изъ одного циркуляра (22 февр. 1890 г. № 9) видно, что къ переселенію допускаются и лица „неимущія“, но послѣднимъ рекомендуется указывать для переселеній на мѣстности, находящіяся ближе къ ихъ родинѣ, переселеніе въ которыя болѣе для нихъ доступно. Только въ официальномъ изданіи для переселенцевъ „Сибирское переселеніе“, изданномъ тѣмъ же Переселенческимъ Управленіемъ, мы встрѣчаемся съ опредѣленіемъ того капитала, какой, по мнѣнію Управленія, необходимъ переселенцу для обзаведенія въ Сибири — въ 300 рублей.

Какъ уже изложено выше, цѣлымъ рядомъ циркуляровъ и распоряженій приняты мѣры къ сокращенію числа самовольныхъ переселенцевъ и къ тому, чтобы всякій желающій переселиться заручился разрѣшеніемъ. Въ новѣйшихъ циркулярахъ, какъ мы только что сказали, установлено новое требованіе, чтобы разрѣшеніе не выдавалось тѣмъ, кои не пожелаютъ раньше послать ходока въ Сибирь для выбора мѣста и, вообще, для ознакомленія

съ условіями, въ какихъ придется жить семьямъ на новыхъ мѣстахъ. Отъ этой регламентаціи переселенія и отъ этого ходачества, особенно одобреннаго ст.-секр. Куломзинымъ, ожидалось очень многое; предполагалось, что всѣ эти мѣры приведутъ къ болѣе благоразумному направленію переселенческаго дѣла, болѣе осмысленному, болѣе осторожному.

Представимъ себѣ, что ходокъ вернулся, присмотрѣлъ участокъ, записалъ его на имя своей семьи или группы семей, уполномочившихъ его на это,—что разрѣшеніе на переселеніе дано и проходное свидѣтельство, подписанное земскимъ начальникомъ, получено. Все то время, какое прошло съ тѣхъ поръ, какъ семьей былъ посланъ ходокъ,—семья безусловно волнуется; работа уже не та, все не мило, все не спорится, такъ какъ все надо скоро бросить и уйти далеко. До учрежденія обязательнаго ходачества, семья, получившая разрѣшеніе на переселеніе, по непонятнымъ основаніямъ, обязывалась въ 2-хъ мѣсячный срокъ двинуться уже въ путь, иначе проходное свидѣтельство отбиралось назадъ. Въ то же время циркулярами Министерства земскимъ начальникамъ предписывалось рекомендовать переселенцамъ отправляться въ путь одновременно группами односельчанъ или, по крайней мѣрѣ, сосѣдей по селамъ, въ виду большей дешевизны и многихъ удобствъ при передвиженіи и, въ особенности, при первомъ устройствѣ новаго селенія большими группами. Можно себѣ представить, какая горячка поднималась у переселенцевъ при сборахъ въ путь. Весь хозяйственный скарбъ многихъ семействъ сразу поступалъ въ продажу; покупателями являлись, конечно, только сосѣди. Срокъ для продажи самый ничтожный,—продать нужно, во что бы то ни стало. Конечно, при столь спѣшной продажѣ не выручалось и половины дѣйствительной стоимости продававшихся предметовъ; между тѣмъ до полученія разрѣшенія строжайше запрещалось продавать имущество.

Въ болѣе позднихъ циркулярахъ прежнее обязательство получившихъ разрѣшеніе на переселеніе переселиться въ 2-хъ мѣсячный срокъ отмѣнено; наоборотъ, Министерствомъ проявляется стремленіе пріучить населеніе къ сознанію, что „дѣло столь большой важности, какъ переселеніе, не можетъ быть совершаемо внѣ точнаго порядка, даже во времени“, и въ виду этого установлены сроки какъ для подачи прошеній о разрѣшеніи — именно до

КАБ 2

31 марта года, предшествующаго переселенію, — такъ и для разсмотрѣнія этихъ прошеній мѣстными должностными лицами и учрежденіями, именно, до 1-го августа. Для самаго слѣдованія на мѣста новаго водворенія переселенцамъ рѣшено рекомендовать время отъ 1 марта до 15 августа слѣдующаго года. Въ новѣйшихъ распоряженіяхъ семьямъ, пославшимъ ходоковъ и чрезъ посредство послѣднихъ записавшихъ за собой земли, разрѣшено переселиться не въ 2-хъ мѣсячный срокъ, а въ 2-хъ лѣтній, въ теченіе котораго оставленные ходокомъ за собой участки продолжаютъ числиться за пославшими ихъ семьями. Предписано земскимъ начальникамъ и другимъ должностнымъ лицамъ предоставлять получившимъ проходныя свидѣтельства срокъ вполнѣ достаточный для наиболѣе выгодной распродажи имущества, безъ точнаго его опредѣленія, при чемъ отнюдь не настаивать на уходѣ лицъ, уже получившихъ проходныя свидѣтельства, но почему-либо отложившихъ свое намѣреніе переселиться. Должно, однако, сказать, что переселенцы, получившіе уже разрѣшеніе, въ большинствѣ случаевъ сами торопятся скорѣе ликвидировать по какой бы то ни было цѣнѣ свое имущество, такъ какъ рвутся скорѣе на новое мѣсто, чтобы тамъ устроиться раньше, чѣмъ наступитъ сибирская зима.

Вотъ, наконецъ, продажа имущества закончилась, проходное свидѣтельство получено; получено и свидѣтельство на льготный проѣздъ,—„купоны“, какъ его называютъ переселенцы; понаплакались вдоволь съ родными, остающимися на родинѣ, распрощались съ односельчанами, — и переселенцы угрюмо двинулись въ путь.

II.

Переходимъ теперь ко второй фазѣ переселенческаго дѣла, когда переселенцы, уже заручившіеся разрѣшеніями, находятся въ періодѣ движенія на новыя мѣста. Фаза эта является у насъ наиболѣе извѣстной, наиболѣе обратившей на себя вниманіе какъ правительства, такъ и общества. Въ печати послѣдняго десятилѣтія въ достаточно яркихъ краскахъ изображено то поистинѣ ужасное положеніе, въ какомъ находились эти массы переселяющагося люда, скоплявшагося одновременно многими тысячами въ разныхъ узловыхъ пунктахъ слѣдованія въ Сибирь, въ особенности же въ Тюмени и въ Челябинскѣ.

Эта эпопея переселенческихъ страданій нынѣ въ значительной мѣрѣ отошла уже въ область преданій, но, разбираясь нынѣ въ причинахъ, вызывавшихъ эти острыя страданія переселенцевъ на пути ихъ слѣдованія, мы должны различать въ нихъ какъ бы двѣ отдѣльныхъ группы, крайне различныя между собою. Къ одной группѣ такихъ причинъ мы относимъ то обстоятельство, что очень многіе переселенцы, какъ мы увидимъ далѣе, не удовлетворяли во многомъ тѣмъ требованіямъ, какія къ переселенцамъ слѣдуетъ предъявлять. Къ другой категоріи причинъ переселенческихъ страданій мы относимъ тѣ изъ нихъ, которыя вызваны полной неподготовленностью администраціи къ такому росту переселенческаго движенія, какой проявлялся въ началѣ 90-хъ годовъ. Въ самомъ дѣлѣ ростъ этотъ былъ слишкомъ быстрый и неожиданный, какой не наблюдался ни въ одной иммиграціонной странѣ. Въ началѣ и срединѣ 80-хъ годовъ общее количество переселенцевъ едва превышаетъ въ среднемъ 30—35 тысячъ въ годъ, въ 1890 году оно уже достигаетъ 50 тысячъ въ годъ, въ 1891—1892 гг. превышаетъ 90 тысячъ въ годъ, а въ 1896 г. уже переходитъ колоссальную цифру въ 200.000 душъ. Изъ страны, стоящей между иммиграціонными странами на ряду съ тѣми, которыя очень мало привлекаютъ иммигрантовъ, Сибирь сразу заняла второе мѣсто въ мірѣ по числу своихъ иммигрантовъ и первое послѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. И это произошло столь быстро, столь неожиданно, что застигло почти врасплохъ правительство, все еще предполагавшее, что можно запрещеніями и энергичными мѣрами остановить это необычайно быстрое движеніе.

Менѣе всего къ такому росту движенія переселенческой массы были подготовлены наши желѣзныя дороги. Ни по своему подвижному составу, ни своими станціонными сооруженіями, ни своимъ служебнымъ персоналомъ желѣзныя дороги не были въ состояніи, да не въ состояніи и теперь отвѣчать требованіямъ переселенческой массы. Если при отправленіи крупныхъ партій грузовъ — хлѣбныхъ, лѣсныхъ и другихъ — вѣчно ощущается недостатокъ въ вагонахъ и платформахъ, то какой же долженъ былъ оказаться недостатокъ въ вагонахъ для передвиженія такой неожиданно большой массы людей. Желѣзныя дороги опредѣлили для передвиженія переселенцевъ простые товарные вагоны, какъ это установлено и для другихъ экстренныхъ случаевъ, напр., передви-

женія войскъ. Но если это необходимо, да и то съ оговорками, для передвиженія крѣпкихъ и здоровыхъ молодыхъ парней, какими мы должны считать солдатъ, это вовсе не допустимо для перевозки переселенцевъ съ ихъ женами и кучами малыхъ дѣтей. Дѣти болѣли и мерли какъ мухи; извѣстны случаи 30% дѣтской смертности на пути слѣдованія переселенцевъ.

Въ узловыхъ пунктахъ, какими являются Челябинскъ или Тюмень, для переселенцевъ были отведены отдѣльныя кладбища, насчитывающія послѣ нѣсколькихъ лѣтъ своего существованія уже многія тысячи могилъ, преимущественно дѣтскихъ. И въ самомъ дѣлѣ, обстановка въ товарныхъ вагонахъ была ужасная. Прежде всего количество душъ въ одномъ вагонѣ доходило до 30 и болѣе; спать въ такомъ вагонѣ, конечно, болѣе чѣмъ мудрено, да въ томъ же вагонѣ переселенцы погружаютъ громадныя груды своего багажа и всякаго хлама. Вонь, гамъ, грязь, шумъ, холодъ внутри вагоновъ были ошеломляющіе. Чтобы освѣжить воздухъ, двери вагоновъ держатся почти постоянно открытыми, вслѣдствіе чего дѣти часто простуживаются и хвораютъ. Впрочемъ, въ послѣдніе годы стали устраивать желѣзныя печки внутри товарныхъ вагоновъ, а вслѣдъ затѣмъ введена еще одна роскошь въ видѣ отдѣленій для разныхъ надобностей. Въ такихъ товарныхъ вагонахъ съ этими улучшеніями и понынѣ перевозятся сотни тысячъ переселенцевъ, ежегодно отправляющихся за Уралъ.

Еще ужаснѣе было передвиженіе переселенцевъ на баржахъ по рр. Западной Сибири. Тутъ ихъ безцеремонно напихивали, какъ сельдей въ бочку, и санитарныя условія внутри баржи были прямо возмутительны. Къ счастью, за рѣдкими исключеніями, теперь это движеніе на баржахъ, съ открытіемъ Сибирской желѣзной дороги, почти вполнѣ оставлено.

Правда, въ послѣдніе годы желѣзнодорожное начальство стало проявлять большія заботы о переселенцахъ, объ этомъ самомъ непріятномъ, хотя, пожалуй, самомъ выгодномъ для желѣзныхъ дорогъ грузѣ, къ слову сказать, перевозимомъ понынѣ по такимъ же накладнымъ, какъ всякій другой грузъ. Но эти новѣйшія заботы ничто въ сравненіи съ заботами, проявляемыми по отношенію къ европейскимъ эмигрантамъ океанскими пароходными обществами, а также желѣзными дорогами заокеанскихъ иммиграціонныхъ странъ.

Въ каждой странѣ Европы, отпускающей эмигрантовъ, прове-

дены, законодательнымъ путемъ, спеціальные законы, строго регламентирующіе правила о перевозкѣ эмигрантовъ. Укажемъ на законъ 4 іюня 1884 года, изданный въ Швеціи, требующій строгаго сохраненія всевозможныхъ санитарныхъ условій при перевозкѣ эмигрантовъ и за всякое ихъ нарушеніе опредѣляющій крупные штрафы изъ залога, какой общества эти обязаны внести въ государственное казначейство. Что касается перевозки эмигрантовъ по желѣзнымъ дорогамъ заокеанскихъ странъ, то для этой цѣли, по первому требованію иммиграціоннаго начальства, желѣзныя дороги обязаны назначать спеціальные поѣзда, конечно, изъ обыкновенныхъ пассажирскихъ вагоновъ, — и, напримѣръ, въ Аргентинской республикѣ мысль перевозить иммигрантовъ въ товарныхъ вагонахъ показалась бы дикой; впрочемъ, тамъ и скотъ перевозится не въ товарныхъ вагонахъ, а въ спеціально для этой цѣли приноровленныхъ рѣшетчатыхъ вагонахъ. Прибавимъ, что къ тому же всякій иммигрантъ, зарегистрованный въ иммиграціонномъ бюро, имѣетъ право на безплатный проѣздъ въ любой конецъ государства, куда онъ пожелаетъ отправиться.

Вмѣсто такого безплатнаго проѣзда у насъ нынѣ установленъ удешевленный проѣздъ по спеціальному переселенческому тарифу [1]), по которому взимается съ человѣка и версты по $0_{,30}$ коп., а съ багажа (кладь, телѣги и т. д.) по $^1/_{75}$ к. съ пуда и версты и, наконецъ, за лошадей и рогатый скотъ по $0_{,50}$ коп. съ головы и версты. Какъ ни малы эти тарифы, однако, по расчету статсъ-секр. Куломзина, и при этихъ тарифахъ переселенцы, уплачивая за свой проѣздъ, возвращаютъ почти сполна всѣ суммы, которыя государственнымъ казначействомъ затрачиваются на нихъ въ видѣ ссудъ: въ 1896 году такихъ ссудъ было выдано около 2.000,000 руб, а за проѣздъ въ Сибирь переселенцами этого года уплачено по расчету статсъ-секр. Куломзина около 1.895,000 руб.

При этихъ передвиженіяхъ переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ, помимо крайнихъ неудобствъ вслѣдствіе неприспособленности товарныхъ вагоновъ, самымъ тяжелымъ для переселенцевъ является крайняя медленность движенія переселенческихъ поѣздовъ. Поѣзда эти идутъ малой скоростью, т.-е. скоростью товарныхъ поѣздовъ.

---

1) Сборн. Тариф. Росс. жел. дор. № 503.

Какъ ни малы тарифы переселенческаго передвиженія, проѣздъ отъ станцій отправленія до ближайшихъ станцій Сибирской дороги обходится переселенцу приблизительно рублей 8 съ души, а общія издержки на путевые расходы переселенческой семьи, осѣдающей въ Тобольской губерніи, колеблются отъ 50 руб. до 60 р. Мы теперь же скажемъ, что въ большинствѣ случаевъ это равняется половинѣ всѣхъ средствъ, остающихся у переселенческой семьи послѣ ликвидаціи всего имущества; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вовсе не рѣдкихъ, на это передвиженіе уходитъ весь капиталъ переселенческой семьи, и уже въ Челябинскѣ семья не имѣетъ средствъ для дальнѣйшаго движенія.

И вотъ переселенцу теперь, уже на порогѣ въ Сибирь, приходится обращаться за помощью. Помощь эту онъ можетъ получить у переселенческаго чиновника. На основаніи основного закона 13 іюля 1889 г. и дальнѣйшихъ распоряженій переселенческій чиновникъ имѣетъ право изъ отпускаемыхъ въ его распоряженіе кредитовъ выдавать нуждающимся переселенцамъ путевую ссуду, не превышающую 50 руб. на семью; отправляющимся же въ Иркутское генералъ-губернаторство и Приамурскій край можетъ быть выдана въ предѣлахъ Томской, Енисейской и Иркутской губ. еще дополнительная сумма, тоже въ 50 рублей. Фактически эта ссуда выдавалась въ размѣрѣ 5 — 10 руб. и крайне рѣдко доходила до 25 руб.

Но какъ переселенческому чиновнику опредѣлить, нуждается ли данный переселенецъ въ путевой помощи или нѣтъ, а если нуждается, то въ какой степени?

Въ послѣдніе годы кое-какія свѣдѣнія объ имуществѣ и капиталѣ просителя переселенческій чиновникъ сталъ получать изъ проходныхъ свидѣтельствъ, въ которыхъ многіе земскіе начальники отмѣчаютъ, какъ великъ предполагаемый капиталъ переселенца, но очень часто и теперь, а раньше — всегда, чиновнику вопросъ о степени нужды переселенца, просящаго о денежной помощи, приходилось рѣшать путемъ *психологическимъ*. Такъ какъ, однако, пріемы психологіи еще очень ненадежны, то сплошь и рядомъ чиновникъ въ своихъ опредѣленіяхъ и назначеніяхъ ошибался, а переселенецъ его обманывалъ, и получали помощь или бо́льшую помощь тѣ, кто былъ ловчѣе, а не тѣ, которые болѣе нуждались. Переселенцы, съ своей стороны, отлично изучили психо-

логію того или другого чиновника и, передавая одинъ другому результаты своихъ наблюденій, умѣло проводили чиновника, отлично зная, чѣмъ его взять и разжалобить. Мы, конечно, не усматриваемъ большой бѣды въ томъ, что тотъ или другой переселенецъ получитъ одинъ или два десятка лишнихъ рублей: они ему во всякомъ случаѣ пригодятся на новомъ мѣстѣ. Но бѣда въ томъ, что количество раздаваемыхъ рублей очень ограничено, и было бы желательнѣе, чтобы они попадали тому, кому они нужнѣе, а не тому, кто болѣе ловокъ. Съ другой стороны, намъ, вообще, кажется нераціональной денежная помощь на путевые расходы—кому бы то ни было. Разъ у переселенца нѣтъ средствъ уже на одно только то, чтобы добраться до новаго мѣста своего водворенія, то достаточно ясно, что этому переселенцу не слѣдуетъ переселяться, по крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ положеніи переселенческаго дѣла въ Россіи.

Мы считаемъ болѣе раціональнымъ, чтобы такому, совершенно неимущему переселенцу была оказана денежная помощь на возвращеніе назадъ, домой, а не на дальнѣйшее движеніе на новыя, невѣдомыя ему мѣста.

Денежная помощь эта въ случаяхъ дѣйствительной нужды переселенца уходила всегда на покупку „купона“, т. е. билета на удешевленный проѣздъ переселенца изъ Челябинска до мѣста его назначенія, но такіе даровые проѣзды несравнимы съ тѣми даровыми проѣздами, какими по закону пользуются, напримѣръ, въ Аргентинѣ, или Бразиліи, или Венецуэлѣ всѣ рѣшительно переселенцы, прибывшіе въ страну. Тамъ даровой проѣздъ отнюдь еще не обозначаетъ, что иммигрантъ совершенно не имѣетъ средствъ, у насъ же въ Сибири—по закону—получаетъ билетъ лишь не имѣющій никакихъ личныхъ средствъ. Къ тому же существуетъ глубокая разница между условіями венецуэльскими, бразильскими или аргентинскими и нашими сибирскими. Тамъ имѣется постоянный недостатокъ въ рабочихъ, и иммигрантъ, не имѣющій никакихъ средствъ и на государственный счетъ доставленный въ тотъ или другой конецъ государства, является туда, какъ рабочій, а не какъ колонистъ. Нашего же переселенца можно приравнивать исключительно къ колонисту, а не къ иммигранту-рабочему.

Мы переходимъ теперь къ описанію тѣхъ переселенческихъ пунктовъ, которыхъ понастроили массу вдоль слѣдованія пересе-

ленцевъ въ Сибирь. Первымъ значительнымъ пунктомъ явился построенный въ началѣ 90-хъ годовъ въ Тюмени, куда въ виду быстраго роста переселенческаго движенія, былъ командированъ чиновникъ особыхъ порученій по переселенческимъ дѣламъ г. Архиповъ. До этого, впрочемъ, въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Нижнемъ, Казани, Самарѣ, Перми, Ряжскѣ, были на благотворительныя средства построены отдѣльные, такъ называемые, переселенческіе бараки. Но эти бараки имѣли характеръ просто вокзала или пристани, гдѣ переселенцы оставались до отхода поѣзда или парохода. Совсѣмъ не тотъ характеръ имѣлъ, такъ называемый, Тюменскій пунктъ, а нынѣ Челябинскій, Омскій и другіе переселенческіе пункты.

Въ Тюмени подъ этотъ пунктъ былъ отведенъ значительный участокъ внѣ города, далеко отъ вокзала желѣзной дороги и далеко отъ обычныхъ пристаней пассажирскихъ пароходовъ; онъ былъ соединенъ отдѣльной желѣзнодорожной вѣткой съ вокзаломъ и пристанью, но былъ совершенно изолированъ отъ города. Поѣзда съ переселенцами подавались прямо сюда на пунктъ, представлявшій цѣлый отдѣльный городокъ. Въ центрѣ его помѣщалась больница съ отдѣльными бараками для заразныхъ больныхъ, а кругомъ были бараки для здоровыхъ. Въ годы наибольшаго процвѣтанія пункта здѣсь скоплялось одновременно много тысячъ (до 20 тыс.) переселенцевъ; всѣ бараки быстро переполнялись, а остальные переселенцы располагались цѣлымъ лагеремъ вокругъ. Пунктъ этотъ, однако, быстро зацвѣлъ, но еще быстрѣе отцвѣлъ. Всѣ его довольно капитальные бараки и зданія были выстроены какъ разъ къ концу періода наибольшаго скопленія въ Тюмени переселенцевъ. Уже съ открытіемъ временнаго движенія по Западно-Сибирской желѣзной дорогѣ въ срединѣ 1894 года переселенцы стали направляться на Уфу и Челябинскъ. Теперь этотъ живописно расположенный на берегу рѣки Туры пунктъ запустѣлъ совершенно; немногіе переселенцы, которые еще попадаютъ въ Тюмень, сюда и не заходятъ; большинство же капитальныхъ бараковъ, кажется, сданы подъ амбары для храненія кожи.

Роль Тюмени съ открытіемъ Западно-Сибирской желѣзной дороги перешла къ Челябинску. Основатель Тюменскаго пункта, г. Архиповъ, и тотъ оставилъ Тюмень и переѣхалъ въ Челябинскъ.

Но тотъ смыслъ, какой еще могъ имѣть пунктъ въ Тюмени, совершенно не можетъ быть приписанъ пункту въ Челябинскѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Тюмень лежитъ на пересѣченіи линіи желѣзной дороги съ началомъ системы р. Оби. Переселенцы оставляли здѣсь вагоны желѣзной дороги, чтобы пересѣсть на баржу или пароходъ. Здѣсь было нѣчто аналогичное тому, что существуетъ въ Нью-Іоркѣ, Ріо-де-Жанейро, Буэносъ-Айресѣ или Сиднеѣ, гдѣ иммигрантъ оставляетъ пароходъ, чтобы перейти на желѣзную дорогу; еще больше аналогіи съ Гамбургомъ или Антверпеномъ, гдѣ скопляются массы европейскихъ эмигрантовъ, оставляющихъ здѣсь желѣзную дорогу, чтобы перейти на заокеанскій пароходъ. Такъ какъ такіе пароходы отходятъ далеко не каждый день, да и не всегда можно заполучить билеты на проѣздъ на этихъ пароходахъ, эмигрантамъ волей-неволей приходится въ Гамбургѣ, Бременѣ и Антверпенѣ ждать нѣкоторое время, и вотъ для этой цѣли и построены спеціальные дома, гдѣ эмигранты остаются до отхода парохода. Съ другой стороны, такіе эмигрантскіе дома очень полезны для облегченія мѣстнымъ властямъ надзора за эмигрантами; въ Гамбургѣ, напримѣръ, или въ Бременѣ мѣстная полиція зорко слѣдитъ за тѣмъ, какъ бы тотъ или иной эмигрантъ не задумалъ застрять въ Германіи и увеличить собою контингентъ мѣстнаго рабочаго пролетаріата.

Иммигрантскіе дома, существующіе по ту сторону океана, имѣютъ нѣсколько иное назначеніе. Совершенно такъ же, какъ въ Гамбургѣ или въ Бременѣ, такая централизація всѣхъ или большинства переселенцевъ въ иммигрантскихъ домахъ облегчаетъ мѣстнымъ властямъ слѣдить за ними, слѣдить за тѣмъ, чтобы въ страну не попали больные съ какой-либо эпидемической или инфекціонной болѣзнью, или вообще иммигранты, которые по той или другой причинѣ нежелательны мѣстному правительству. Но съ другой стороны, такъ какъ правительство всякой иммиграціонной страны, за рѣдкими исключеніями, поощряетъ иммиграцію въ страну, то всякое такое правительство само старается облегчить иммигранту его первые дни въ новой странѣ, и вотъ почти въ каждой такой странѣ существуютъ законы, разрѣшающіе иммигранту оставаться въ иммигрантскихъ домахъ минимумъ 15 первыхъ дней, въ теченіе которыхъ онъ могъ бы осмотрѣться, собрать справки, свѣдѣнія, раньше чѣмъ рѣшиться отправиться

на государственный счетъ въ тотъ или другой конецъ государства. При каждомъ такомъ домѣ существуютъ и, такъ называемые, bureaux de renseignements и bureaux de travaux, гдѣ иммигрантъ можетъ собрать свѣдѣнія о той или другой колоніи, гдѣ можетъ найти указанія на спросъ на рабочихъ и т. п. справки.

Сравнивая теперь иммигрантскіе дома заокеанскихъ странъ съ нашимъ Челябинскимъ пунктомъ, мы можемъ убѣдиться, что администрація этого пункта вовсе не преслѣдуетъ тѣхъ полицейскихъ цѣлей, какія руководятъ иммиграціонными властями въ переселенческихъ домахъ Новаго Свѣта или эмигрантскихъ домахъ Гамбурга или Бремена.

Правда, на переселенческомъ пунктѣ въ Челябинскѣ ведется регистрація всѣхъ переселенцевъ, причемъ провѣряются документы, но переселенческіе чиновники не въ правѣ задерживать переселенцевъ, не имѣющихъ разрѣшенія на переселеніе; они только регистрируютъ ихъ, да и то лишь въ случаѣ, если такой переселенецъ явится на пунктъ или обратится за чѣмъ-либо къ чиновнику, какъ это часто бываетъ.

Далѣе, Челябинскъ отнюдь не является дверью въ Сибирь, какъ Нью-Іоркъ для Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Ріо-де-Жанейро для Бразиліи, Буэносъ-Айресъ для Аргентины, Сиднея для Австраліи. Переселенцы съ гораздо большими удобствами могли бы безъ всякихъ остановокъ, преспокойно, не останавливаясь въ Челябинскѣ, доѣхать до той станціи Сибирской желѣзной дороги, откуда они должны пѣшкомъ, на лошадяхъ или на пароходѣ отправиться на опредѣленный для нихъ участокъ. Такъ, конечно, въ будущемъ и будетъ, да такъ часто бываетъ и теперь. Получатъ тогда значеніе пункты въ Омскѣ, откуда много переселенцевъ пересаживается на пароходы для слѣдованія вверхъ или внизъ по Иртышу; получитъ значеніе пунктъ въ Кривощековѣ, гдѣ переселенцы переходятъ на пароходъ по Оби, но Челябинскъ долженъ безусловно потерять всякое значеніе, онъ уже замѣтно теряетъ его и теперь. Если кое-какое значеніе онъ могъ имѣть, то только тогда, когда не было правильнаго движенія по Западно-Сибирской желѣзной дорогѣ и провозоспособность послѣдней была значительно ниже провозоспособности Самаро-Златоустовской желѣзной дороги. Западно-Сибирская желѣзная дорога не могла подавать столько поѣздовъ для переселенцевъ, сколько приходило ихъ въ

Челябинскъ съ Самаро-Златоустовской желѣзной дороги, и переселенцамъ приходилось ждать очереди, пока ихъ могли отправить далѣе. Но теперь, когда правильное движеніе по Западно-Сибирской желѣзной дорогѣ установилось, конечно, нѣтъ никакого смысла задерживать переселенцевъ въ Челябинскѣ.

Казалось, все это отлично можно было предвидѣть; можно было a priori сказать, что Челябинскому пункту предстоитъ такая же участь, какъ пункту Тюменскому; тѣмъ не менѣе, пунктъ этотъ все еще расширяется и расширяется.

Въ настоящее время выяснилось, что все, что требуется,—это просторный вокзалъ на станціи Челябинскъ, въ которомъ переселенцы могли бы обождать нѣсколько часовъ, пока подадутъ другой сибирскій поѣздъ. Оказалось, однако, что этой своей главной роли Челябинскій пунктъ выполнить не въ состояніи, такъ какъ построенъ, какъ нарочно, далеко отъ станціи желѣзной дороги. Перетаскивать со станціи на пунктъ свой багажъ переселенцу слишкомъ трудно и, пожалуй, прямо невозможно, такъ какъ багажа тащитъ онъ очень много, а пунктъ находится въ $1-1^1/_2$ версты отъ станціи. Казалось бы, переселенецъ могъ оставить кого-либо смотрѣть за багажомъ, а самому съ бабами и дѣтьми отправиться на пунктъ. Но въ большинствѣ случаевъ переселенецъ этого не дѣлаетъ, а предпочитаетъ тутъ же сидѣть у багажа и даже ночевать со всѣмъ своимъ имуществомъ, не безъ основанія опасаясь, что кое-что изъ этого имущества можетъ пропасть.

Когда сознана была ошибка въ устройствѣ пункта вдали отъ станціи или, по крайней мѣрѣ, линіи желѣзной дороги, рѣшили было поставить громадный баракъ, вѣрнѣе сарай, у самаго вокзала, который служилъ бы вокзаломъ для переселенцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ 1897 году такой сарай изъ тонкихъ досокъ выстроили, но въ томъ же году онъ сгорѣлъ, унесши нѣсколько жертвъ, погибшихъ въ пламени. Нужно было бы построить другой настоящій вокзалъ, но боязнь, что, въ концѣ-концовъ, пунктъ останется безъ переселенцевъ, надоумилъ перевезти не Магомета къ горѣ, а гору къ Магомету: проложили вѣтку къ самому пункту, при чемъ для скорости работу производили зимой; чуть ли не искусственно оттаивали землю для проложенія полотна.

Одна изъ обязанностей, возложенныхъ на иммигрантскіе дома Аргентины, Венецуэлы и другихъ странъ, заключается въ предоставленіи переселенцамъ необходимыхъ для нихъ свѣдѣній объ имѣющихся свободныхъ участкахъ земли, а также и другихъ указаній, совѣтовъ, рекомендацій, заработковъ. Исполняется ли эта обязанность нашими переселенческими пунктами, прежде всего Челябинскимъ? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно.

Насъ поразило отсутствіе ясныхъ представленій и точныхъ свѣдѣній о Сибири и ея земледѣльческомъ хозяйствѣ у лицъ, стоящихъ непосредственно въ сношеніяхъ съ переселенцами. Ни въ Челябинскѣ, ни въ Омскѣ, ни въ другихъ пунктахъ нѣтъ ничего похожаго на Bureaux des renseignements, которые являются обязательной составной частью иммиграціоннаго пункта въ другихъ странахъ. Неумѣніе и часто нежеланіе переселенческаго персонала давать толковые совѣты переселенцамъ по разнымъ вопросамъ переселенческаго дѣла бросаются въ глаза каждому наблюдателю. Наибольшее участіе и наиболѣе толковые совѣты переселенцы встрѣчаютъ на переселенческихъ пунктахъ только у фельдшерицъ и акушерокъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, которыми обладаютъ эти лица по переселенческому дѣлу, слишкомъ ограничены. Хотя имѣются прямыя предписанія производителямъ работъ, обязывающія послѣднихъ давать знать переселенческимъ чиновникамъ о всѣхъ свободныхъ и вновь образующихся участкахъ, но фактически на переселенческихъ пунктахъ знаютъ объ этихъ участкахъ далеко не достаточно. Когда для гидротехническихъ цѣлей понадобились списки незаселенныхъ участковъ, гидротехникамъ пришлось чуть ли не лично собирать о нихъ свѣдѣнія и наносить ихъ на карты; готовыхъ же картъ и свѣдѣній въ Омскѣ не оказалось. Въ Челябинскѣ, по крайней мѣрѣ въ 1897 году, такихъ свѣдѣній не было почти вовсе.

Не мало удивилъ насъ между прочимъ фактъ, что лицо, на исключительной обязанности котораго лежало дальнѣйшее отправленіе изъ Челябинска всѣхъ переселенцевъ, не видало лично ни одного переселенческаго поселка и не имѣло даже элементарнаго понятія о Сибири и ея порядкахъ. Мудрено ли послѣ этого, что переселенцы предпочитаютъ за всѣми необходимыми имъ свѣдѣніями обращаться

тутъ же на пунктѣ или къ обратнымъ переселенцамъ, или къ возвращающимся ходокамъ. Особенно неблагопріятное вліяніе оказываютъ обратные переселенцы, которые зачастую доводятъ новыхъ переселенцевъ до того, что послѣдніе прямо изъ Челябинска возвращаются назадъ въ Россію.

Намъ остается еще остановиться на послѣдней задачѣ, выполняемой Челябинскимъ пунктомъ, именно, на регистраціи переселенцевъ. Мы наблюдали эту регистрацію два сезона подъ рядъ и пришли къ заключенію, что въ томъ видѣ, какъ она ведется, лучше было бы не вести ея вовсе, потому что результаты ея могутъ приводить къ совершенно невѣрнымъ заключеніямъ. Не трудно понять, что регистраціей переселенцевъ должна преслѣдоваться не одна только цѣль подсчета приходящихъ переселенцевъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Для этой цѣли достаточны были бы свѣдѣнія, сообщаемыя агентами желѣзныхъ дорогъ. Регистрація должна дать ясную картину всего движенія, должна выяснить толковымъ опросомъ переселенцевъ причины ихъ переселенія, ихъ имущественный достатокъ, составъ семей, отвѣтить, словомъ, на важный и существенный вопросъ, идутъ ли семьи годныя для колонизаціи Сибири или нѣтъ, способныя улучшить свой экономическій бытъ, или наоборотъ такія, которыя дадутъ только лишній пролетаріатъ или контингентъ для обратнаго переселенія. Отвѣты переселенческой регистраціи могли бы потомъ послужить основаніемъ для соотвѣтственныхъ административныхъ или законодательныхъ мѣръ.

Для того, чтобы переселенческая регистрація могла отвѣтить на всѣ эти вопросы,—должны быть соблюдаемы слѣдующія два условія: во-1-хъ, должна быть строго обдумана программа вопросовъ и составленъ ясный опросный листокъ, во-2-хъ, самый опросъ переселенцевъ долженъ быть произведенъ опытными и толковыми интелигентными людьми. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что ни того, ни другого условія въ сибирской регистраціи не соблюдается.

Программа вопросовъ и редакція опроснаго листка измѣнялись множество разъ. Остановимся на редакціи опросныхъ листковъ 1897 года и, какъ на примѣръ несостоятельности сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній, укажемъ на подраздѣленіе переселенцевъ по возрасту. Въ листкѣ принято дѣлить переселенцевъ на три категоріи:

на дѣтей до 18-лѣтняго возраста, на взрослыхъ отъ 18 до 60 лѣтъ и на стариковъ старше 60-ти лѣтъ; изъ этихъ трехъ категорій только вторая подраздѣляется на мужчинъ и женщинъ. Нѣтъ надобности объяснять, какъ существенны свѣдѣнія о возрастѣ переселенцевъ. Свѣдѣнія эти должны отвѣчать на вопросъ, идутъ ли въ Сибирь семьи годныя по своему составу для переселенческаго дѣла, или нѣтъ. Какую же семью считать годной по своему составу? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы встрѣчаемъ въ Всеподданнѣйшемъ докладѣ стат. секретаря А. Н. Куломзина: годной по своему составу семьей должно считать семью „многомощную“, негодной — семью „маломощную“. Если регистрація показала бы, что та или иная семья, занесенная въ списки въ Челябинскѣ, состоитъ изъ трехъ или четырехъ членовъ второй категоріи, т.-е. отъ 18 до 60 лѣтъ, то ясно, что семья эта, имѣя 3 или 4 взрослыхъ работниковъ, должна быть признана многомощной и годной; и наоборотъ, если въ результатѣ регистраціи оказалось бы, что въ семьѣ только одинъ взрослый работникъ и имѣется масса дѣтей, то семья должна быть признана маломощной и негодной.

Однако такое заключеніе не всегда будетъ вѣрнымъ. Представимъ себѣ двѣ семьи. Одна состоитъ изъ старика отца лѣтъ 65 и изъ трехъ взрослыхъ сыновей 40 лѣтъ, 38 лѣтъ и 35 лѣтъ; у старшаго сына дѣтей нѣтъ, у второго—сынъ лѣтъ 17, у третьяго—три дѣвочки 3, 5 и 7 лѣтъ. Возьмемъ теперь другую семью: глава семьи лѣтъ 39, у него сыновья, одинъ 17 лѣтъ, другой 16 лѣтъ, третій 15 лѣтъ. Легко понять, что первая изъ этихъ семей будетъ отнесена къ семьямъ многомощнымъ, вторая—къ маломощнымъ; въ первой чуть ли не пять взрослыхъ мужчинъ; во второй — лишь одинъ; всѣ сыновья второй семьи будутъ зарегистрованы въ категорію дѣтей. Между тѣмъ въ колонизаціонномъ отношеніи—первая изъ этихъ семей даетъ намъ примѣръ непрочно составленной семьи, которая при сибирскомъ земельномъ привольѣ легко распадается на нѣсколько маломощныхъ; вторая семья должна быть признана въ колонизаціонномъ отношеніи идеальной. Мы имѣемъ въ ней семью, всѣ члены которой обязательно подчиняются одному главѣ и которая по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока семья окрѣпнетъ на новомъ своемъ мѣстожительствѣ, не распадется; наоборотъ, въ первой изъ этихъ семей семья можетъ распасться быстро, потому

ли, что одинъ изъ сыновей вовсе уйдетъ изъ Сибири, такъ какъ родичи его бабы ушли, а безъ нихъ бабѣ его „не можется“ въ Сибири, потому ли, что бабы всѣхъ трехъ сыновей начнутъ ссориться, или по иной причинѣ. Вездѣ, въ томъ числѣ и между иммигрантами заокеанскихъ странъ наблюдаются между переселенцами частые семейные раздѣлы; чѣмъ земли больше, чѣмъ просторнѣе живется, тѣмъ и раздѣлы происходятъ скорѣе.

При регистраціи иммигрантовъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, въ Аргентинской республикѣ, а также при регистраціи эмигрантовъ въ Гамбургѣ и Бременѣ принято дѣленіе членовъ каждой семьи на каждые 2 — 3 года по возрасту. Одно время, впрочемъ, и на Челябинскомъ пунктѣ было принято при регистраціи дѣленіе на слѣдующія 6 группъ по возрасту: до 1 года, отъ 1 до 6 лѣтъ, отъ 7 до 13 л., отъ 14 до 17 лѣтъ, отъ 17 до 60 л. и свыше 60 л. Но позднѣе редакція опросныхъ листковъ была сокращена и при этомъ введено дѣленіе по возрасту, указанное выше.

Но будь даже программа вопросовъ и безукоризненна, мы не можемъ ожидать хорошихъ результатовъ отъ регистраціи, по крайней мѣрѣ въ Челябинскѣ, послѣ того, какъ намъ пришлось ознакомиться съ способомъ ея производства. Когда-то раньше опросы поручались студентамъ университетовъ, при чемъ къ сожалѣнію въ опросчики попадали чаще юные студенты первыхъ курсовъ. Позднѣе, однако, преимущественно изъ экономіи, студенты были замѣнены болѣе дешевыми работниками, съ жалованьемъ едва ли превышавшимъ 10 рублей въ мѣсяцъ. А между тѣмъ необходимо умѣло ставить вопросы переселенцу, чтобы получить отъ него правильные отвѣты; необходимо знать для этой цѣли экономическій бытъ народа, иначе отвѣтъ переселенца будетъ для регистратора во многомъ непонятенъ и зарегистрируемыя имъ свѣдѣнія могутъ оказаться совершенно невѣрными.

III.

Приступаемъ теперь къ обзору третьей фазы переселенческаго дѣла, т.-е. того періода его, когда переселенецъ уже добрался до избраннаго его ходокомъ или назначеннаго ему мѣста и начинаетъ устройство своего новаго жительства.

Здѣсь необходимо установить прежде всего ту исходную точку, которой слѣдуетъ держаться при обсужденіи этой, на нашъ взглядъ, наиболѣе существенной и наиболѣе важной фазы переселенческаго быта. Необходимо условиться, какая цѣль должна преслѣдоваться переселеніемъ, чего слѣдуетъ добиваться при его осуществленіи. Цѣль эта можетъ быть не всегда одной и той же. Въ иныхъ случаяхъ правительство можетъ стремиться къ водворенію на той или иной окраинѣ своей страны коренного элемента своего населенія изъ политическихъ основаній. Такая политическая цѣль преслѣдовалась, напримѣръ, германскимъ правительствомъ при развитіи внутренней колонизаціи въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи; такая же цѣль преслѣдовалась и нашимъ правительствомъ при переселеніи крестьянъ изъ внутреннихъ губерній въ Южно-Уссурійскій край.

Въ другихъ случаяхъ правительство можетъ имѣть въ виду заселеніе пустующихъ площадей въ томъ или иномъ районѣ своего государства для извѣстныхъ практическихъ цѣлей. Въ этомъ случаѣ на первомъ мѣстѣ могутъ стоять или интересы даннаго района, этихъ пустующихъ площадей, или же интересы общегосударственнаго характера. Подобная общегосударственная цѣль преслѣдовалась, напримѣръ, у насъ при заселеніи разныхъ мѣстъ вдоль почтовыхъ трактовъ въ Сибири и во внутренней Россіи; такая цѣль преслѣдуется и до настоящаго времени при заселеніи нѣкоторыхъ пустующихъ пространствъ вдоль Сибирской желѣзной дороги.

Въ приведенныхъ случаяхъ мы видимъ преслѣдованіе лишь постороннихъ цѣлей; интересы самихъ переселенцевъ тутъ на второмъ планѣ. Если бы переселенцы, такъ или иначе перебиваясь, сумѣли бы устроить на новыхъ мѣстахъ свою жизнь не хуже, чѣмъ въ прежнихъ мѣстахъ своего жительства, цѣль все равно была бы достигнута, — переселеніе слѣдовало бы считать успѣшнымъ.

Однако въ нашемъ сибирскомъ переселенческомъ дѣлѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ преслѣдуются такія частныя государственныя цѣли. Главная, подавляющая масса нашихъ переселенцевъ, какъ мы уже видѣли, появляется часто вопреки желанію правительства, безъ его непосредственнаго разрѣшенія. Эти переселенцы оставляютъ насиженные, родные углы съ исключительной цѣлью добиться лучшей жизни, достигнуть довольства, котораго не удалось имъ видѣть у себя на родинѣ. Врядъ ли слѣдуетъ по-

яснять, что изслѣдуя результаты и наблюдая общій ходъ и развитіе переселенческаго дѣла, мы тоже должны исходить изъ того положенія, что переселенцемъ должна быть достигнута *лучшая доля*, *лучшія условія* существованія, чѣмъ тѣ, какими онъ пользуется на покидаемой родинѣ.

Выяснивши эту исходную точку разсужденій, мы должны теперь намѣтить, хотя бы въ общихъ чертахъ, тѣ нормы, къ какимъ при существующихъ условіяхъ можетъ и долженъ приблизиться переселенецъ, устраивая свою новую жизнь на чужбинѣ. Конечно, при опредѣленіи такихъ нормъ возможно значительное различіе во взглядахъ, однако до извѣстныхъ предѣловъ ихъ установить и можно, и слѣдуетъ. Присматриваясь къ жизни, какую устроили себѣ колонисты и фермеры въ Америкѣ, мы неоднократно восхищались ихъ безмятежнымъ положеніемъ, той спокойной и счастливой жизнью, какую они сплошь и рядомъ тамъ ведутъ. У такого колониста имѣется, напр., 150—200 гектаровъ земли, пересѣкаемыхъ почти пополамъ дорогой; у самой дороги расположена его усадьба, — чистенькій домикъ, обыкновенно каменный, изъ 5—6 комнатъ. Предъ домомъ клумбы декоративныхъ цвѣтовъ; позади дома дворъ съ цѣлымъ рядомъ пристроекъ: тутъ конюшня, курятникъ, амбары, мастерскія—столярная и кузнечная для ремонта сельско-хозяйственныхъ орудій; подъ навѣсомъ стоятъ машины: саможатка, сѣялка, часто даже молотилка съ локомобилемъ; позади двора—огородъ, фруктовый садъ, а за нимъ взращенная самимъ колонистомъ рощица въ нѣсколько гектаровъ, доставляющая ему достаточно топлива; позади рощицы пашня, огороженная проволочной изгородью и обсаженная кругомъ деревьями; передъ домомъ по другой сторонѣ дороги, тоже огороженная проволокой, поляна въ 25 — 30 гектаровъ, засѣянная люцерной; здѣсь пасется стадо колониста. Мы припоминаемъ свое посѣщеніе одного такого поселенца, котораго застали за чтеніемъ земледѣльческой газеты; старшіе его сыновья были заняты на пашнѣ, младшіе только что вернулись верхомъ изъ школы, расположенной въ 5 — 6 километрахъ отъ фермы, въ pueblo, находящемся въ центрѣ цѣлаго гнѣзда такихъ фермъ.

Вспоминаемъ и разсказъ этого колониста, переселившагося въ Новый Свѣтъ изъ Швейцаріи всего лѣтъ 15 назадъ. Онъ пріѣхалъ съ очень малыми средствами, но зажилъ и окрѣпъ, благодаря под-

держкѣ одного изъ мѣстныхъ колонизаціонныхъ обществъ; теперь можетъ быть признанъ вполнѣ состоятельнымъ, ни въ чемъ не нуждается и вполнѣ счастливъ. Таковъ на нашъ взглядъ долженъ быть въ общихъ чертахъ тотъ идеалъ, достиженія котораго слѣдуетъ желать для переселенцевъ.

При посѣщеніи переселенческихъ поселковъ въ Сибири мы, путемъ опроса переселенцевъ, желали также выяснить себѣ тотъ максимумъ желаній, о какомъ они мечтаютъ. Любопытно, что этотъ максимумъ оказался далеко не одинаковымъ у переселенцевъ, вышедшихъ изъ разныхъ губерній Россіи. Всего меньше онъ оказался у выходцевъ изъ Сѣверо-Западнаго края, нѣсколько больше у переселенцевъ изъ великорусскихъ губерній, еще больше у малороссовъ и наконецъ значительно больше у переселенцевъ-нѣмцевъ изъ колоній Самарской и Саратовской губерній. Вожделѣнія нашего переселенца, за исключеніемъ нѣмцевъ, ограничиваются мечтою быть сытымъ, обутымъ, одѣтымъ и уплатить всѣ подати.

Съ каждымъ изъ указанныхъ типовъ мы пытались установить смѣту расходовъ по обзаведенію живымъ и мертвымъ инвентаремъ, необходимымъ, чтобы начать нормальное, по ихъ мнѣнію, хозяйство; далѣе—ту общую смѣту расходовъ, какіе считаются ими для себя необходимыми, а равно тѣхъ доходовъ, какіе они могли бы ожидать при нормальномъ веденіи хозяйства, ту площадь надѣла на семью, которую они признаютъ необходимою, площадь посѣва, какой имъ нуженъ, чтобы быть сытыми и чтобы изъ продажи избытковъ покрыть всѣ свои потребности.

Наименьшія цифры были заявлены мнѣ крестьянами Сѣверо-Западнаго края, наибольшія нѣмцами. Въ то время, какъ у первыхъ общая смѣта расходовъ на первоначальное обзаведеніе едва достигала трехсотъ рублей, нѣмцы показали minimum—въ 700 р.

Приведемъ въ подробностяхъ нѣсколько смѣтъ, соотвѣтствующихъ желаніямъ переселенческихъ семей въ разныхъ поселкахъ Западной Сибири:

Смѣта для семьи изъ 2 мужчинъ, 2 женщинъ и 3—4 дѣтей.

4 лошади	по 30 р.	. . . .	120 р.
3 коровы	„ 15 „	. . . .	45 „
10 овецъ	„ 2 „	. . . .	20 „
2 свиньи	по 3 „	. . . .	6 „
15 куръ	„ — „ 15 к.	. . . .	2 „ 75 к. 193 р 75 к.
2 плуга-пермянки	„ 6 „	. . . .	12 „

4 бороны	по 2 „	. . . .	8 р.	
1 телѣга	„ 8 „	. . . .	8 „	
3 воза	„ 10 „	. . . .	30 „	
4 саней	„ 1 „	. . . .	4 „	
4 сбруи (хомутъ, шлея, дуги)	„ 6 „	. . . .	24 р.	86 р.
3 котла	„ 1 „	. . . .	3 „	
1 чугунъ	въ 1 „	. . . .	1 „	
2 сита	по — „ 20 к.	. . . .	— „	
2 ведра	„ — „ 45 „	. . . .	— „	
8 чашекъ	„ — „ 20 „	. . . .	— „	6 р. 90 к.
Мебель: 2 стола, 1 скамейка, 1 кровать.			6 р.	
		Всего около .	300 р.	

Смѣта для семьи изъ 3 мужчинъ, 3 женщинъ и 3 дѣтей въ другомъ поселкѣ:

6 коней	по 25 р.	. . . . .	150 р.	
3 коровы	„ 12 „	. . . . .	36 „	
10 овецъ	„ 1 „ 50 к.	. . . . .	15 „	
2 кабана	„ 3 „	. . . . .	6 „	
10 куръ	„ — „ 15 к.	. . . . .	1 „ 50 к.	
2 гуся	„ — „ 50 „	. . . . .	1 „	209 р. 50 к.
3 сохи	„ 6 „	. . . . .	18 „	
6 боронъ	„ 1 „	. . . . .	6 „	
3 телѣги	„ 10 „	. . . . .	30 „	
6 саней	„ 70 к., 1 р.	. . . . .	5 „	
6 сбруй	„ 2 р.	. . . . .	12 „	
Мебель и посуда		. . . . .	12 „	83 „
		Всего около. .	300 р.	

Сравнимъ теперь эти смѣты со смѣтой, составленной группой переселенцевъ-нѣмцевъ для семьи изъ 3 мужчинъ, 3 женщинъ и 2 дѣтей:

4 лошади	по 30 р.	. . . . .	120 р.	
5 паръ быковъ	„ 60 „	. . . . .	300 „	
2 коровы	„ 25 „	. . . . .	50 „	
10 овецъ	„ 5 „	. . . . .	50 „	
5 свиней	„ 3 „	. . . . .	15 „	
5 телятъ	„ — „	. . . . .	20 „	555 р.
2 плуга	„ 15 „	. . . . .	30 „	
8 боронъ	„ 2 „	. . . . .	16 „	
Упряжь	„ 5 „	. . . . .	20 „	
Ярмо для быковъ	„ — „	. . . . .	2 „ 50 к.	
Вилы, косы	„ — „	. . . . .	10 „	
2 воза	„ 30 „	. . . . .	60 „	138 „ 50 к.
		Всего около .	700 р.	

Какъ видно, переселенцы-нѣмцы желаютъ для своего хозяйства живого и мертваго инвентаря на сумму почти въ 2 1/2 раза большую, чѣмъ опредѣляетъ ее переселенецъ-русскій.

Нѣсколько иное встрѣчаемъ мы въ желаніяхъ переселенцевъ-русскихъ и нѣмцевъ по отношенію къ избамъ и вообще постройкамъ. Первая изъ упомянутыхъ выше семей считаетъ необходимымъ затратить на избу 50 р., на амбаръ—25 р. и на овинъ 20 р. Вторая, правда, нѣсколько большая семья, признаетъ необходимой для себя 5-ти стѣнную избу (т.-е. избу изъ 2 комнатъ), стоимостью въ 130 р., и амбаръ всего въ 15 р. Нѣмцы на избы и другія постройки тратятъ значительно меньше; по крайней мѣрѣ въ тѣхъ семи нѣмецкихъ поселкахъ, какіе мы посѣтили въ Омскомъ уѣздѣ Акмолинской области, они выстроили себѣ саманныя избы, поразившія однако насъ своимъ изяществомъ и чистотой внутренняго убранства, съ которыми не сравнимы всѣ тѣ пятистѣнныя избы, какія мы встрѣчали у многихъ русскихъ переселенцевъ и у коренныхъ сибиряковъ. Одновременно съ этими прекрасными саманными избами, нѣмцы понастроили себѣ разные амбарчики, сарайчики, частью тоже изъ самана, частью же изъ хвороста, всякаго хлама, сумѣвъ однако и этимъ импровизированнымъ пристройкамъ придать солидный и опрятный видъ.

Въ то время, какъ русскій переселенецъ съ постройки избы обыкновенно и начинаетъ, нѣмецъ, приходя на участокъ, начинаетъ съ пашни, кое-какъ размѣщаясь на первыхъ порахъ въ едва сколоченныхъ шалашахъ. Приходя гораздо раньше, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ русскіе переселенцы, онъ первымъ дѣломъ покупаетъ скотъ, начинаетъ пахать и лишь обезпечивъ себѣ нѣсколько десятинъ посѣву, начинаетъ хлопотать объ избѣ. Уже имѣя въ своемъ распоряженіи лошадей и быковъ, онъ со всѣмъ своимъ семействомъ берется теперь за работу по устройству семейнаго гнѣзда; очень часто нѣсколько семействъ принимаются за возведеніе одной такой избы, и только, когда одна готова, сообща берутся за другую, третью и т. д. Такимъ образомъ дѣло идетъ успѣшнѣе, дешевле и скорѣе.

Чтобъ было понятнѣе, какъ опредѣляютъ переселенцы площади необходимыхъ имъ посѣвовъ и надѣловъ, разсмотримъ прежде всего бюджетъ ихъ расходовъ. Сумму этихъ расходовъ за первый годъ или вѣрнѣе за первые 15 мѣсяцевъ, т.-е. за періодъ до перваго

урожая, мы потомъ соединимъ съ суммой затратъ, необходимыхъ для покупки инвентаря, и такимъ образомъ опредѣлимъ капиталъ, необходимый переселенцу для того, чтобы правильно приступить къ веденію новаго хозяйства.

Первая изъ приведенныхъ семей русскихъ переселенцевъ считала необходимымъ въ недѣлю: 2 п. ржи на 60 к., $^1/_2$ п. пшеницы на 25 к., соли на 5 к., ячменя, крупы на 20 к., простой крупы (15 ф.) на 25 к., постнаго масла на 20 к., всего на сумму около 1 р. 50 к. въ недѣлю, или около 75 р. въ годъ, т.-е. около 100 р. въ 15 мѣсяцевъ, включая сюда и 2 р. 50 к., необходимыхъ семьѣ на керосинъ.

Вторая семья опредѣлила свои потребности въ теченіе 15 мѣсяцевъ такъ:

Хлѣба по 1 п. 30 ф. на 1 взрослаго или на 7 взрослыхъ— 12 п. 10 ф. и на 3 дѣтей 2 п. 10 ф., всего $14^1/_2$ пуд. по 27 к., около 4 р. въ мѣсяцъ, а за 15 мѣсяцевъ . . . . . 60 р.

Соли по 3 ф. на 1 душу, или 25 ф. на всю семью, по 27 к. пудъ, или около 18 к. въ мѣс., а за 15 мѣсяцевъ . . . . . 2 „ 70 к.

Крупы по 30 ф. на взрослаго и по 15 ф. на каждаго изъ дѣтей, или на 7 взрослыхъ и 3-хъ дѣтей около 7 пуд. по 60 к., или около 4 руб. въ мѣсяцъ, а за 15 мѣсяцевъ . . . . . 60 „

Постнаго масла по 1 фунту на 1 взрослаго и $^1/_3$ ф. на ребенка, или на 7 взрослыхъ и 3-хъ дѣтей—8 фунтовъ по 12 к. или около 1 р. въ мѣсяцъ, а за 15 мѣс. . . . . 15 „

Керосину на . . . . . 1 „

или около. 140 р.

Если приравнять двухъ дѣтей одному взрослому, то получимъ на 1 взрослаго на 15 мѣсяцевъ по первому изъ приведенныхъ бюджетовъ 15,4 р., а по второму 15,3 р., т.-е. цифры обоихъ бюджетовъ даютъ среднюю величину въ 1 р. въ мѣсяцъ на одного взрослаго ѣдока. Переселенецъ-нѣмецъ желаетъ питаться нѣсколько лучше; одного хлѣба онъ считаетъ нужнымъ 25 пудовъ на ѣдока въ годъ.

Расходами по приведеннымъ бюджетамъ удовлетворяется первое изъ желаній переселенца—быть сытымъ. Но мы видѣли, что для полнаго своего счастія онъ хочетъ быть одѣтымъ и обутымъ. На каждаго взрослаго мужчину онъ считаетъ въ годъ необходимымъ:

3 рубахи (21 арш. ситца по 9 к.) 2 р., 3 штановъ (12 арш.) 1 р. 20 к., поддевка лѣтняя (шабуръ) и жилетъ 3 р., полушубокъ (одинъ на 2 года стоимостью въ 10 р.) 5 р., рукавицы 60 к., платокъ 20 к., шапка 70 к., обувь 2 р. 50 коп. Всего 15 р.

Баба въ Сибири изнашиваетъ въ годъ слѣдующее: 2—3 рубахи 3 р., 2 юбки по 1 р.—2 р., 1 платокъ зимній 50 к., 1 платокъ лѣтній 20 к., полушаль 1 р., лѣтнюю поддевку 2 р., полушубокъ (одинъ на 3 года стоимостью въ 10 р.) 3 р. 30 к., обувь 2 р. Всего 14 р.

Для ребенка переселенцы считаютъ достаточнымъ 5 р. въ годъ, или семья изъ 6 взрослыхъ и 3-хъ дѣтей затрачиваетъ на одежду и обувь въ годъ около 100 р. Переселенецъ-нѣмецъ тратитъ и тутъ больше: онъ считаетъ необходимымъ на мужчину—25 р., на женщину—15 р. и на ребенка—10 р. въ годъ, или же всего на семью изъ 6 взрослыхъ и 3 дѣтей затрачиваетъ приблизительно на 50 р. больше русскаго переселенца.

Въ опредѣленіяхъ стопмости корма для скота разсчеты переселенцевъ русскихъ и нѣмцевъ также расходятся: первые считаютъ достаточнымъ кормить лошадей овсомъ только 90 дней въ году, вторые—180 дней; при томъ первые считаютъ достаточнымъ давать лошади 1 гарнецъ въ день или, считая 1 четверть=64 гарн. за 10 п., около 6 фунтовъ; нѣмцы считаютъ необходимымъ 10 фун. Такимъ образомъ на лошадь русскіе переселенцы считаютъ достаточнымъ 90 гарнцевъ въ годъ или около 15 пуд. или $1^1/_2$ четверт.; нѣмцы около 1800 фун. или около 45 пуд. или $4^1/_2$ четв. Вспомнимъ, что первая изъ нашихъ двухъ семей желаетъ для себя 4-хъ лошадей, вторая—6; слѣдовательно, первой нужно 6, второй—9 четв. овса въ годъ; нѣмецъ желаетъ, какъ мы знаемъ, только 4 лошадей, и указанной нѣмецкой семьѣ нужно 18 четвер. овса въ годъ.

Кромѣ овса, для прокормленія всего своего скота, т.-е. 4 или 6 лошадей, 3 коровъ и 10 овецъ — русскій переселенецъ считаетъ необходимымъ въ годъ 400 копенъ сѣна, или считая по 10 пуд. въ копнѣ, около 4.000 пуд. Нѣмецъ для своего стада въ 36 головъ (4 лошади, 5 паръ быковъ, 2 коровы, 10 овецъ, 5 свиней, 5 телятъ) считаетъ въ среднемъ по 15 фун. въ день на голову или 14 пуд. на все стадо. Въ первый годъ переселенцу, конечно, приходится давать своему стаду одно сѣно, но при нормальномъ хозяйствѣ часть сѣна (приблизительно $^1/_{10}$ ч.) замѣняется соломой, которой переселенецъ съ 10 десятинъ посѣва собираетъ до 50 овиновъ (считая въ овинѣ 200 сноповъ ржи и 250 сноповъ яровыхъ хлѣбовъ). Всего на прокормленіе скота переселенцу нужно около 50 р. (90 пуд. овса по 30 к.=27 р., 400 копенъ сѣна по 6 коп.=24 р., всего около 50 р.).

Для полноты картины приведемъ еще нѣкоторыя данныя относительно стоимости ремонта инвентаря: наварить соху или плугъ стоитъ 2 руб., а одну изъ двухъ сохъ или плуговъ инвентаря наваривать приходится ежегодно; точить каждую соху обходится въ 50 коп.; наклепка сошника стоитъ ежегодно 30 к., точильный камень (брусъ) для косъ (одинъ на два года, стоитъ 25 к.)—13 к.; подпилки обходятся въ годъ въ 10 к.; ремонтъ упряжи (шлеи и хомута, служащихъ 10 лѣтъ и стоящихъ 7 р.)—2 р. 80 к.; ремонтъ 3 телѣгъ и 6 саней, служащихъ 10 лѣтъ, обходится въ среднемъ 3 р. 50 к., ремонтъ колесъ—2 руб.; всего же на ремонтъ мертваго инвентаря уходитъ около 12 р. въ годъ или 1 руб. въ мѣсяцъ.

Ко всѣмъ упомянутымъ даннымъ смѣты на первоначальное обзаведеніе мы должны еще прибавить стоимость перваго посѣва; на эту надобность переселенцу нужно не менѣе 25 руб.

Для установленія бюджета переселенческой семьи нужно привести еще величину платимыхъ сибирскимъ крестьяниномъ податей, но при этомъ мы должны имѣть въ виду, что, по основному закону 13 іюля 1889 г., переселенцы освобождены отъ уплаты казенныхъ податей въ первые три года своего водворенія. Въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ водворены переселенцы, составившіе приведенныя выше смѣты, подати платятся съ „цѣлой“ души (т.-е. съ полнаго работника) по 4 р. 6 к. въ „треть“, при чемъ такой „третью“ называютъ срокъ въ полгода; съ „малой“ души (т.-е. съ неполнаго работника, до 15 лѣтъ) по 2 р. 70 к. въ „треть“; въ годъ эти подати съ 3-хъ „цѣлыхъ“ душъ и 2-хъ „малыхъ“ составятъ около 35 руб.; кромѣ того, на мірскія нужды взимается по 15 коп. съ головы крупнаго скота, или около 1 руб. въ годъ; дорожныя повинности (гоньба, ямщики и т. п.) съ души по 5 руб.; далѣе, на содержаніе „воротника“ или сторожа, охраняющаго ворота такъ назыв. поскотины, т.-е. участка, отводимаго подъ пастбища, по 3 коп. со скотины въ годъ; словомъ, всѣхъ повинностей средняя старожильческая семья уплачиваетъ около 50 р. въ годъ. Показанія нѣмцевъ сходятся въ этомъ отношеніи; они тоже на повинности опредѣляютъ 50 р. въ годъ, но къ этому еще присоединяютъ по 25 р. въ годъ на содержаніе учителя и пастуха. Въ первые нѣсколько лѣтъ по своемъ водвореніи переселенецъ на всѣ общественныя повинности затрачиваетъ приблизительно лишь 12—13 р. въ годъ.

Соединяя всѣ приведенныя данныя и опредѣляя тотъ предѣльный капиталъ, какой долженъ затратить переселенецъ до тѣхъ поръ, пока его хозяйство пойдетъ нормальнымъ порядкомъ, т.-е. по крайней мѣрѣ до перваго урожая на новомъ мѣстѣ, мы получимъ:

На живой и мертвый инвентарь	300 р.
На избу и амбаръ	100 „
На продовольствіе	100 „
На одежду и обувь	100 „
На кормъ для скота	50 „
На обсѣмененіе	25 „
На ремонтъ	12 „
Подати	13 „
Всего	700 р.

Вопросъ о стоимости крестьянскаго обзаведенія въ Сибири, конечно, живо интересовалъ и представителей правительства, руководящихъ переселенческимъ дѣломъ въ Сибири, въ особенности же статсъ-секретаря Куломзина. По порученію послѣдняго, въ разныхъ мѣстахъ Сибири стоимость обзаведенія была исчислена мѣстной администраціей. Приведемъ таблицу этихъ исчисленій, приведенную во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ А. Н. Куломзина:

	Тобольск. губ.				Томская губ.	Ачинск. окр. Енис. губ.	Омскій округъ Акмолин. обл.
	Ишимскій округъ.		Тюкалинск. округъ.				
	Участки крест. чин.						
	I	II	I	II			
Постройки . .	70	—	25	75—100	25	100	—
Принадл. дома.	—	—	—	—	—	—	20
Инвентарь:							
Соха, плугъ или сабанъ . . .	7	—	7	5—6	10	6	15
Борона	2	—		2—3		3 (2 шт.)	5
Инструментъ. .	—	—	—	10—15	—	18	20

	Тобольской губ.				Томской губ.	Ачинск. окр., Енис. губ.	Омскій округъ, Акмолин. обл.
	Ишимскій округъ.		Тюкалинск. округъ.				
	Участки крест. чин.						
	I	II	I	II			
Домашняя утв.	—	—	—	10—12	20	16	—
Обувь и одеж..	—	—	—	—	—	—	25
Различ. предм.	20	—	—	15—20	—	—	—
Обсѣмен. 2—3 десят.	10	—	8	—	18	—	—
Сани . . .	—	—	—	2—5	—	3 (2 шт.)	—
Телѣга . .	10	—	—	15 - 20	25—29	18	15
Сбруя . . .	6	—	80	3—5	—	16 (2 шт.)	10
Скотъ:							
Лошади	60	—	—	25—35	30—45	50 (2 шт.)	20
Волы	—	—	—	—	2—3	—	60
Коровы	18	—	20	12—18	15	17	15
Овцы	—	—	—	6—8	—	—	5 (2 шт.)
Итого .	203	200—250	140	180—147	145—163	257	200

Легко видѣть, что вѣдомость эта составлена довольно поверхностно и достаточно точнаго отвѣта о дѣйствительной стоимости обзаведенія дать не можетъ.

Нѣсколько основательнѣе составлена вѣдомость необходимыхъ затратъ при обзаведеніи въ упомянутой уже нами брошюркѣ о „Сибирскомъ переселеніи“, изданной переселенческимъ управленіемъ. По разсчетамъ этого офиціальнаго изданія переселенцу нужно:

На „порядочную“ избу съ печью и прочими принадлежностями такой постройки	110 р.
Пара лошадей	70 „
Корова	20 „
Телѣга	18 „
Сани	9 „
Сбруя	16 „

Соха	6 р.
Борона	3 „
Инструменты	18 „
Домашняя утварь	16 „

т.-е. всего около 280 руб., а со стоимостью обсѣменія около 300 руб.

Мы должны замѣтить, что если переселенецъ ограничился бы живымъ и мертвымъ инвентаремъ въ тѣхъ размѣрахъ, какіе признаетъ достаточными мѣстная администрація или авторъ приведенной брошюры, то онъ можетъ быть и въ состояніи былъ бы кое-какъ перебиваться, но очень плохо, и для такой жизни на чужбинѣ ему вовсе нѣтъ смысла переселяться въ Сибирь.

Остановимся теперь нѣсколько на выясненіи площади необходимыхъ переселенцу надѣла земли и посѣвовъ, а также на исчисленіи тѣхъ доходовъ, какихъ можетъ добиться переселенецъ въ нормальныхъ случаяхъ или при условіи, если бы дѣло вспоможенія переселенцамъ было бы поставлено осмысленно. Въ основу нашихъ вычисленій мы положимъ тотъ же принципъ, который былъ нами выясненъ въ предыдущемъ изложеніи, т.-е. что переселеніе имѣетъ цѣлью дать переселенцамъ въ Сибири прочное существованіе, отнюдь не полуголодное, отнюдь не такое, при которомъ, въ случаѣ неурожайнаго года, онъ долженъ подвергнуться послѣдствіямъ форменнаго голода, какъ это мы и наблюдаемъ часто въ разныхъ губерніяхъ Европейской Россіи.

При расчетахъ намъ поможетъ та смѣта необходимыхъ для переселенческой семьи расходовъ, какую мы установили въ предыдущемъ изложеніи. Мы опять возьмемъ типичную семью изъ 3 мужчинъ, 3 женщинъ и 3 дѣтей и раздѣлимъ нужды такой семьи на двѣ категоріи: во-1-хъ, на такія, которыя могутъ быть удовлетворены изъ продуктовъ хозяйства самой семьи, и, во-2-хъ, на такія, которыя могутъ быть удовлетворены только путемъ покупки на наличныя деньги, опять-таки вырученныя отъ продажи избытковъ собственныхъ продуктовъ. Къ первой категоріи мы должны отнести хлѣбъ для самой семьи и кормъ для необходимаго ей скота. Избранной нами переселенческой семьѣ необходимо около 175 пудовъ ржи и пшеницы для собственнаго продовольствія, около 9 четвертей овса или ячменя для корма лошадей Къ этому слѣдуетъ еще прибавить хотя бы 65 пуд. ржи и пшеницы и 3 четверти овса и ячменя

на посѣвъ. Среднюю урожайность ржи и пшеницы возьмемъ въ 50 пуд. для ржи, 30 пуд. для пшеницы и 4 четверти для овса и ячменя. Каковыя цифры выведены нами изъ данныхъ объ урожаяхъ въ Акмолинск. области и Тобольской губ.

Принимая во вниманіе эти цифры, мы получимъ слѣдующую площадь посѣвовъ, какую и дѣйствительно засѣвала приведенная выше типичная семья:

Ржи . . .	3	десятины	по 50 пудовъ	. . .	150	пуд.
Пшеницы.	3	„	„ 30	„ . . .	90	„
Овса. . .	2	„	„ 4	четвер. . . .	8	четв.
Ячменя .	1	„	„ 4	„ . . .	4	„

Къ этимъ 9 десятинамъ мы должны будемъ прибавить 1 десятину на огородъ, а также на посѣвъ проса, гороха, конопли и т. п. побочныхъ, но необходимыхъ продуктовъ.

Опредѣлимъ теперь величину площади, необходимой семьѣ для сѣнокошенія и для пастбища. Въ средній годъ одна десятина даетъ 20 копенъ сѣна (или около 200 пуд.); за вычетомъ 50 овиновъ соломы, какая можетъ быть собрана съ десяти десятинъ посѣва, семьѣ на кормъ скоту нужно еще около 350 копенъ сѣна или для сѣнокошенія при сибирскихъ условіяхъ нужно около 18 десятинъ сѣнокоса. Наконецъ для пастбища или, какъ выражаются сибиряки—для поскотины, необходимо „минимумъ“ по 1 десятинѣ на 1 голову скота и по $^1/_2$ десятины на голову мелкаго скота или всего около 15 десятинъ (6 лошадей, 3 коровы, 3 телепка, 10 овецъ и 2 кабана).

Такимъ образомъ для надобностей собственнаго хозяйства семьѣ необходимо: 10 десятинъ посѣва, 18 десятинъ сѣнокоса, 15 десятинъ пастбища, а всего 43 десятины. Опредѣлимъ теперь, какую площадь посѣва должна засѣять семья, чтобы выручить сумму, достаточную для удовлетворенія всѣхъ другихъ потребностей семьи. Опредѣлимъ теперь снова эту сумму: на покупку предметовъ продовольствія въ среднемъ—36 руб. въ годъ*), на керо-

*) Въ выше приведенной смѣтѣ за исключеніемъ хлѣба на другіе предметы продовольствія семья тратитъ свыше 5 р. въ мѣсяцъ; при нормальномъ хозяйствѣ почти все количество крупы семья будетъ имѣть изъ продуктовъ собственнаго хозяйства, но взамѣнъ этого при лучшихъ условіяхъ своего существованія начнетъ покупать чай, сахаръ и т. п.; вмѣсто прежнихъ 5 р. однако окажется достаточныхъ 3 р. въ мѣсяцъ или 36 р. въ годъ.

синъ 1 или 2 рубля на одежду и обувь — 100 рублей; на ремонтъ инвентаря—12 рублей, на подати и мірскія нужды—50 руб. или всего около 200 рублей. Изъ этихъ 200 рублей семья, однако, нѣкоторую сумму можетъ выручить изъ продуктовъ своего животнаго хозяйства. Три коровы, предполагая, что это будутъ среднія сибирскія коровы, дадутъ ежедневно 1 ведро молока, изъ которыхъ $^1/_2$ ведра уйдетъ на потребности дѣтей (трое ребятъ) и всей семьи; другія $^1/_2$ ведра пойдутъ на масло. Въ годъ семья выручитъ за масло около 10 руб. Кромѣ того, семья можетъ продавать ежегодно 3 телятъ, стоящихъ 10 руб., или вмѣсто нихъ одного бычка на убой за 12—13 руб. Можно, наконецъ, семьѣ продать трехъ овецъ изъ ежегоднаго приплода въ количествѣ 6 овецъ, при чемъ остальныя три пойдутъ на убой для потребностей самой семьи. За трехъ овецъ семья выручитъ 6 руб. Этимъ въ большинствѣ случаевъ исчерпываются доходы семьи отъ животноводства, и при томъ видѣ хозяйства, которое теперь ведутъ крестьяне въ Сибири, всѣ остальныя статьи расхода могутъ быть покрыты только изъ доходовъ отъ земледѣлія. Съ другой стороны, почти всю свою одежду переселенецъ долженъ покупать; холстъ въ Сибири давно уже замѣнился миткалемъ и ситцемъ, и развѣ только кожу на сапоги и шерсть на пимы семья можетъ имѣть собственную. Но и въ нашей смѣтѣ мы считали стоимость одной только выдѣлки этой кожи, а не полную ихъ стоимость. Такимъ образомъ около 175 руб. семья должна выручить отъ продажи излишнихъ продуктовъ своего земледѣлія.

Предположимъ, что для этой цѣли семья засѣетъ еще пшеницы и ржи, какъ это бываетъ и въ дѣйствительности; при среднемъ урожаѣ даже въ 50 пудовъ съ десятины, и при средней цѣнѣ въ 35 — 40 коп. за пудъ, переселенецъ выручитъ около 20 руб. съ десятины, и чтобы выручить необходимые ему 175 р., онъ долженъ засѣять еще около 8 — 9 десятинъ посѣва, сверхъ вышеприведенныхъ 10 десятинъ для собственныхъ надобностей.

Такимъ образомъ семьѣ необходимо десятинъ около 50 земли. Переселенцы-нѣмцы Омскаго уѣзда Акмолинской области однако и 50 десятинъ считаютъ совершенно недостаточнымъ для семьи. Къ 10 десятинамъ посѣва нѣмцы прибавляютъ еще 3 десятины ячменя для корма 5 свиней (считая по 3 пуда въ мѣсяцъ), чтобы имѣть для надобностей семьи и для продажи—око-

рока и колбасу; вмѣсто одной десятины пастбища для головы скота, они считаютъ необходимымъ $1^1/_2$ десятины или для 36 головъ не менѣе 54 десятинъ,—и минимальный надѣлъ, какой они считаютъ для себя необходимымъ, опредѣляется ими въ 75 десятинъ на семью. Укажемъ, что почти такой же величины надѣлъ, именно 75 гектаровъ, признается необходимымъ для семьи и въ Аргентинѣ, находящейся во многихъ отношеніяхъ въ аналогичныхъ условіяхъ съ Сибирью.

Приведенное выше опредѣленіе величины необходимаго надѣла является отвѣтомъ на тѣ недоумѣнія, какія возникали у многихъ при вопросѣ о величинѣ крестьянскаго надѣла въ Сибири. Надѣлъ этотъ, какъ извѣстно, опредѣленъ въ 15 дес. на душу и кажется для многихъ въ Европейской Россіи неслыханно большимъ. Наши вычисленія показываютъ, однако, что надѣлъ этотъ скорѣе малъ и долженъ быть увеличенъ до 20 на душу.

Существеннымъ является теперь вопросъ: можетъ ли справиться избранная нами семья, имѣющая 3-хъ взрослыхъ мужчинъ, 3-хъ бабъ и 3-хъ дѣтей, съ посѣвомъ въ 18 десятинъ. Вопросъ этотъ былъ нами поставленъ многимъ отдѣльнымъ группамъ переселенцевъ и старожиловъ, и общее ихъ мнѣніе таково, что 1 работникъ можетъ справиться съ 3 десятинами посѣва, 2 работника съ 8 десятинами и 3 работника съ 15 десятинами; съ помощью же своихъ 3-хъ бабъ и дѣтей они управятся съ 18 десятинами, при условіи, впрочемъ, достаточнаго количества рабочаго скота и орудій. Приведенное выше количество головъ скота и орудій и есть то количество, какое они считаютъ достаточнымъ.

Съ другой стороны, легко убѣдиться, что чѣмъ меньше семья по своему составу, чѣмъ она слабѣе по своей рабочей силѣ, тѣмъ ея задача справиться въ Сибири съ хозяйствомъ, которое могло бы обезпечить семьѣ безбѣдное существованіе, дѣлается все болѣе и болѣе невыполнимой. Задача эта должна быть признана уже совершенно невыполнимою для семьи, имѣющей лишь одного работника, т.-е. состоящей изъ мужа, жены и нѣсколькихъ малыхъ дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже знаемъ, что одинъ работникъ можетъ справиться лишь съ 3-мя десятинами посѣва, а средній урожай съ 3-хъ десятинъ ни въ какомъ случаѣ не дастъ семьѣ возможности прокормить себя, свой скотъ и выручить достаточно для покрытія всѣхъ своихъ нуждъ. Отъ этихъ соображеній не трудно

перейти къ отвѣту на вопросъ, почему слабая по составу и бѣдная по своимъ средствамъ семья не можетъ при современныхъ условіяхъ сибирскаго хозяйства добиться успѣха при своемъ переселеніи въ Сибирь, и при сибирскомъ многоземельѣ будетъ не менѣе бѣдствовать, чѣмъ при россійскомъ малоземельѣ.

IV.

Теперь, когда мы познакомились со всѣми этими нормами, со всѣми смѣтами, постараемся выяснить, какъ въ самомъ дѣлѣ устраиваютъ свой бытъ переселенцы въ Сибири и какова картина общихъ результатовъ переселенческаго дѣла новѣйшаго времени. Изъ предыдущаго ясно, что къ переселенцамъ должны предъявляться два требованія: чтобы они были, какъ принято выражаться, въ достаточной мѣрѣ „многомощны“ и чтобы они пріѣзжали на мѣсто водворенія съ достаточнымъ капиталомъ.

Мы уже знаемъ, что отвѣта на вопросъ о томъ, въ достаточной ли мѣрѣ контингентъ нашихъ переселенцевъ „многомощенъ“ или нѣтъ, въ официальной переселенческой регистраціи найти нельзя. Нѣкоторое понятіе въ этомъ отношеніи мы можемъ однако получить, если вычислимъ среднее количество душъ на семью. Въ 30.303 семействахъ, зарегистрованныхъ въ 1896 году въ Челябинскомъ и Томскомъ пунктахъ, было 187.784 души обоего пола, т.-е. въ среднемъ 6,2 души. Въ 5.856 семействахъ, зарегистрованныхъ съ 1 мая по 1 августа 1897 г. по даннымъ Омскаго пункта, было 35.952 души обоего пола *), т.-е. въ среднемъ 6,4 души на семейство. Въ 6.889 семействахъ, явившихся и осѣвшихъ въ 1896 г. въ Тобольской губерніи, было всего 41.791 душа обоего пола и изъ нихъ 22.801 мужчинъ, т.-е. опять въ среднемъ свыше 6 душъ обоего пола и 3,3 души мужского пола на семью. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что средній составъ переселенческой семьи равенъ или даже нѣсколько больше общей средней величины семьи всего крестьянскаго населенія Россіи (5,96 душъ). О количествѣ взрослыхъ работниковъ мы, впрочемъ, данныхъ не имѣемъ. По нашимъ личнымъ наблюденіямъ, мы можемъ сказать, что въ каждомъ пере-

---

*) Не включая 15.081 души пришедшихъ по билетамъ прямого сообщенія и только проѣхавшихъ Омскъ, а также 724 души одинокихъ-безсемейныхъ и 9.827 душъ ходоковъ.

селенческомъ поселкѣ, нами посѣщенномъ, оказывалась значительная часть семействъ съ однимъ мужскимъ работникомъ и нерѣдко и совсѣмъ безъ взрослаго мужского работника; большинство семействъ должно быть признано однако достаточно „мощными“, т.-е. имѣющими 3-хъ или по крайней мѣрѣ 2-хъ мужскихъ работниковъ въ семьѣ.

Что касается денежныхъ средствъ, привозимыхъ переселенцами, то какъ ни мала сумма стоимости обзаведенія по административнымъ исчисленіямъ, она однако въ значительной мѣрѣ превышаетъ тѣ капиталы, какіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ дѣйствительности привозятъ съ собою переселенцы. И изъ данныхъ, приводимыхъ г. Баламберскимъ, видно что, напримѣръ, для Ишимскаго округа средняя цифра средствъ, привозимыхъ съ собою переселенцами, равняется 56,1 руб. на семью, а въ Тюкалинскомъ округѣ—70,2 руб. Но имѣется не мало семей, приходящихъ вовсе безъ всякихъ средствъ: для Ишимскаго округа процентъ ихъ составляетъ 13,8, для Тюкалинскаго—13,2. Съ капиталомъ же ниже 50 р. приходятъ въ Ишимскій округъ 57,7%, въ Тюкалинскій—49,4%.

Кромѣ указанныхъ двухъ требованій, какія раціональное переселенческое дѣло должно предъявлять къ новоселамъ, есть еще одно условіе, котораго мы вовсе еще не касались въ предыдущихъ главахъ; это—условіе не матеріальнаго характера и заключается въ томъ, что переселенцы должны обладать достаточно высокой энергіей и предпріимчивымъ духомъ, должны вѣрить въ добрые результаты предпринятаго ими переселенія. Нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи вмѣшательство правительства въ переселенческое дѣло принесло отнюдь не пользу, а скорѣе вредъ. По согласному мнѣнію всѣхъ лицъ, причастныхъ переселенческому дѣлу въ Сибири, съ которыми намъ пришлось встрѣчаться, и по нашему собственному наблюденію, въ этомъ отношеніи контингентъ переселенцевъ въ значительной степени ухудшился. Особенно неблагопріятно повліяла неподготовленность земскихъ начальниковъ, выдававшихъ разрѣшенія на переселеніе, и ихъ полное незнакомство съ сущностью колонизаціоннаго дѣла, съ другой стороны дурное вліяніе имѣли распространившіеся въ крестьянскомъ населеніи слухи о пособіяхъ переселенцамъ, выдаваемыхъ казной. Преувеличенныя надежды и мечты объ этихъ пособіяхъ, вмѣстѣ со слухами о си-

бирскомъ земельномъ просторѣ и привольѣ, подняли на переселеніе такія семьи, которыя до 90-хъ годовъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы на это трудное, невѣдомое для нихъ дѣло. Прежде на переселеніе рѣшались только наиболѣе сильныя—и по своему составу, и по средствамъ, и по личной энергіи—семьи; теперь понятіе о „разрѣшеніи“ слилось въ крестьянскомъ населеніи съ понятіемъ о „приглашеніи“. Въ Пензенской губерніи въ 1896 году въ одной изъ волостей прямо толковалось о „призывѣ“ Царя къ выселенію въ Сибирь.

Между тѣмъ земскіе начальники, не имѣя понятія о тѣхъ требованіяхъ, какія должны быть предъявляемы къ семьѣ, желающей переселиться, давали разрѣшенія и прямо—въ колонизаціонномъ отношеніи—негоднымъ семьямъ, не представлявшимъ никакихъ гарантій на успѣхъ ихъ въ Сибири; впрочемъ, земскимъ начальникамъ въ первое время ничего, кромѣ экономическаго быта просителей, выяснять при выдачѣ разрѣшеній циркуляромъ министерства и не предписывалось. Съ другой стороны, семьи, получившія разрѣшеніе на переселеніе, принимались за это дѣло уже безъ всякихъ сомнѣній и колебаній. Дѣйствительно, онѣ видѣли, что имъ разрѣшалось то, въ чемъ отказывали ихъ сосѣдямъ, какъ же не принять это за преимущество, отъ котораго не слѣдуетъ отказываться. Что система „разрѣшенныхъ“, а не „самовольныхъ“ переселеній дурно отозвалась на качествѣ переселенцевъ, явствуетъ изъ данныхъ регистраціи такъ называемыхъ обратныхъ переселенцевъ. Изъ 19.316 душъ (или 3.344 семей) обратныхъ переселенцевъ, зарегистрированныхъ въ Челябинскомъ пунктѣ, число самовольныхъ переселенцевъ почти ровно вдвое меньше, чѣмъ разрѣшенныхъ.

Къ этому непосредственному вреду, принесенному переселенческому дѣлу системой правительственныхъ разрѣшеній и запрещеній, присоединяется вредъ другого характера, происходящій отъ связаннаго съ системой разрѣшеній отрицательнаго отношенія къ „самовольнымъ переселенцамъ“. Мы уже знаемъ, что въ циркулярахъ и предписаніяхъ министерства запрещается назначать послѣднимъ надѣлы казенныхъ земель и оказывать какую бы то ни было помощь или льготу (въ уплатѣ недоимокъ, въ воинской повинности, въ освобожденіи отъ податей и т. под.). Между тѣмъ такихъ самовольныхъ переселенцевъ оказывается все еще не мало. Если бы разъ навсегда постановленное рѣшеніе относительно самовольныхъ переселенцевъ строго проводилось въ теченіе сколько

нибудь продолжительнаго періода времени, то отъ этого пострадала бы вся масса такихъ переселенцевъ даннаго періода времени, и, быть можетъ, разъ навсегда положенъ былъ бы конецъ появленію такихъ переселенцевъ. Но этого не было; рѣшеніе объ обратныхъ переселенцахъ въ концѣ-концовъ не выполнялось; оно фактически отмѣнялось для самовольныхъ переселенцевъ каждаго года. Этимъ, съ одной стороны, сбивалась съ толку крестьянская масса, которая видѣла, что все равно и безъ разрѣшенія люди добиваются того же, что и съ разрѣшеніями, и потому, не получивъ или не дождавшись разрѣшеній, шли въ Сибирь „самовольно“; а съ другой стороны, совершенно напрасно масса „самовольныхъ“ переселенцевъ, скоплявшихся въ Челябинскѣ или другихъ пунктахъ, теряла и массу времени, и силъ, и средствъ, пока получалась отмѣна постановленнаго относительно ихъ общаго рѣшенія. Количество „самовольныхъ“ увеличивалось еще вслѣдствіе постоянныхъ перемѣнъ въ распоряженіяхъ, приказывавшихъ то возстановить, то пріостановить переселенческое движеніе, вслѣдствіе истощенія запасовъ заготовленныхъ участковъ или по другимъ причинамъ.

Эти „самовольные“ переселенцы, и составляютъ обыкновенно главный контингентъ переселенцевъ, засиживающихся нерѣдко многими мѣсяцами въ теплыхъ баракахъ, понастроенныхъ г. Архиповымъ въ Челябинскомъ пунктѣ. Легко понять, что при этомъ у нихъ на „харчи“ уходила безъ пользы значительная часть ихъ капитала, предназначеннаго на обзаведеніе. Слѣдуетъ еще прибавить, что при изданіи постановленій по разнымъ вопросамъ переселенческаго дѣла, иногда упускалось изъ вида, что для проникновенія смысла этихъ постановленій въ сознаніе массы недостаточно времени, нужнаго на доставку по почтѣ этихъ распоряженій изъ Петербурга до соотвѣтствующей деревни.

Непосредственное водвореніе переселенцевъ на участкахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не причислялись къ старожильческимъ обществамъ, а основывали новый поселокъ и новое общество, лежало въ прежнее время на представителяхъ министерства государственныхъ имуществъ. До изданія основного закона 1889 г. былъ въ силѣ законъ 10 іюля 1881 г. *), на основаніи котораго пересселен-

---

*) Высочайше утвержденное 10 іюля 1881 года Положеніе комитета министровъ.

цамъ отводилась земля только на краткосрочное (отъ 6 до 12 л.) арендное пользованіе, въ размѣрѣ не болѣе 8 дес. на душу, при чемъ величина арендной платы опредѣлялась по величинѣ дѣйствительныхъ доходовъ, которые казна получала отъ каждой оброчной статьи до водворенія въ ней переселенца* (очень интересны арендные договоры, заключавшіеся въ то время съ переселенцами). По нынѣ дѣйствующему основному закону надѣлы отдаются переселенцамъ въ вѣчное пользованіе по числу наличныхъ душъ мужского пола, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по соображенію и условіямъ земледѣлія и производительности почвы въ данной мѣстности, при чемъ оброчная плата за землю опредѣляется соразмѣрно съ подушной податью за землю, вносимой мѣстными крестьянами и старожилами по переложенію ея на десятину земли. Мы уже знаемъ, что величина надѣла опредѣлена нынѣ для Западной Сибири въ 15 десят. на душу, при чемъ заботы объ указаніи переселенцамъ участковъ и вообще объ ихъ водвореніи нынѣ переданы мѣстнымъ крестьянскимъ чиновникамъ.

Если мы примемъ, однако, во вниманіе, что на долю крестьянскихъ чиновниковъ приходятся почти всѣ безъ исключенія обязанности, которыя несутъ на себѣ въ Европейской Россіи не только земскіе начальники, но и полный составъ уѣздныхъ земскихъ управъ, если мы прибавимъ къ этому, что отдѣльные участки крестьянскаго чиновника въ Сибири превышаютъ уѣзды Европейской Россіи, то намъ будетъ понятно, что при всемъ своемъ рвеніи и при всѣхъ своихъ способностяхъ крестьянскій чиновникъ отнюдь не въ состояніи серьезно заняться труднымъ дѣломъ водворенія переселенцевъ. Между тѣмъ по закону *) онъ обязанъ:

1) участвовать въ комиссіяхъ для образованія переселенческихъ участковъ; 2) охранять уже окончательно образованные участки; 3) вести по каждому переселенческому участку особыя замѣтки свободныхъ душевыхъ долей; 4) вести списки переселенческимъ поселкамъ въ участкахъ съ объясненіемъ въ нихъ состава водворенныхъ семействъ, времени ихъ прибытія, размѣра выданныхъ имъ пособій и хозяйственнаго ихъ положенія; 5) наблюдать при устройствѣ переселенческихъ новыхъ семей за исполненіемъ Устава строитель-

*) Выс. утвержд. 13 іюня 1893 г. времен. постановл. о расширеніи предметовъ вѣдомства учрежден. по крестьянскимъ дѣламъ въ Тобольской и Томской губ.

наго; 6) представлять въ губернскій совѣтъ предположенія о введеніи общественнаго и волостного устройства въ переселенческихъ поселкахъ; 7) сообщать въ мѣстную казенную палату списки переселенческимъ поселкамъ съ распредѣленіемъ по волостямъ, съ приложеніемъ проходныхъ свидѣтельствъ или же другихъ документовъ водворенныхъ въ нихъ семействъ на предметъ перечисленія сихъ послѣднихъ къ мѣсту новаго водворенія; 8) сноситься по окончательномъ заселеніи переселенческаго участка со старшимъ производителемъ работъ о выдачѣ переселенцамъ акта объ отводѣ казенной земли; 9) представлять въ губернскій совѣтъ ходатайства переселенцевъ о выдачѣ имъ ссудъ на продовольствіе и обсѣменіе полей вмѣстѣ съ данными о хозяйственномъ положеніи просителей и заключеніемъ по существу ходатайства.

Къ этимъ основнымъ обязанностямъ, касающимся переселенческаго дѣла, позднѣе крест. чиновникамъ цѣлымъ рядомъ циркуляровъ предписаны были еще другія обязанности, напримѣръ, предписано, чтобы пособія, назначаемыя переселенцамъ, выдавались крестьянскими чиновниками лично; не предписано, правда, но рекомендовано производить хозяйственнымъ образомъ заготовку различныхъ предметовъ крестьянскаго домообзаведенія, сельско-хозяйственныхъ орудій, сѣмянъ для выдачи переселенцамъ. Не слѣдуетъ забывать, что одновременно съ этимъ крестьянскіе чиновники должны исполнять и свои коренныя обязанности по отношенію къ старожильскому населенію. Понятно, что они не въ состояніи сладить съ этимъ моремъ обязанностей, и на практикѣ сплошь и рядомъ не имѣютъ даже возможности указать переселенцамъ назначенный имъ участокъ, не говоря уже о томъ, чтобы слѣдить за ходомъ созиданія новаго поселка, за нуждами переселенцевъ. Въ большинствѣ случаевъ переселенцы предоставлены только себѣ и управляются какъ умѣютъ и знаютъ сами.

Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ при образованіи новыхъ поселковъ должно признать разнохарактерность водворяемыхъ нерѣдко въ одномъ поселкѣ переселенцевъ. Въ одинъ и тотъ же поселокъ помѣщаютъ одновременно и выходцевъ изъ Гродненской губерніи, и изъ Черниговской, Пензенской, Вятской. Сплошь и рядомъ такіе разнохарактерные элементы прямо враждуютъ между собою, не могутъ столковаться по самымъ существеннымъ вопросамъ ихъ новаго житья. Мы неоднократно были свидѣтелями въ

разныхъ поселкахъ ругани, споровъ, дракъ новоселовъ при рѣшеніи, напримѣръ, вопроса о мѣстѣ для поскотины (пастбища), для пашни. Крестьянскій чиновникъ могъ бы многое присовѣтовать и все порѣшить,—но его по многимъ мѣсяцамъ не видать. Такое причисленіе переселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ къ одному обществу и поселку происходитъ по той причинѣ, что существовало прямое предписаніе отнюдь не приступать къ заселенію свободнаго участка, покуда не будетъ заполненъ другой, къ заселенію котораго приступлено было ранѣе. Такъ какъ никогда одновременно не являлось достаточное для участка количество однородныхъ переселенцевъ, то крестьянскіе чиновники и вынуждены были сажать на одинъ и тотъ же участокъ переселенцевъ изъ самыхъ различныхъ областей Россіи. Нынѣ, впрочемъ, указанное предписаніе уже не выполняется.

Предписаніе это кажется намъ ошибочнымъ и по другому основанію: намъ представляется, что, наоборотъ, отнюдь не слѣдуетъ сразу заканчивать заселеніе каждаго участка, и если бы имѣлось два участка и достаточное количество даже гомогенныхъ переселенцевъ для полнаго заселенія одного участка,—ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ всѣхъ ихъ сажать на одинъ участокъ, а обязательно пополамъ на оба. Мы считаемъ очень существеннымъ сохраненіе крупныхъ земельныхъ запасовъ, которые впослѣдствіи могли бы быть розданы родичамъ или землякамъ поселяющихся въ данное время переселенцевъ, которые появятся тогда, когда поселокъ окрѣпнетъ, когда первые переселенцы упрочатъ свое существованіе. У послѣднихъ родичи и земляки найдутъ тогда и помѣщеніе, и работу, и всякую поддержку, а потому и устроятся лучше, скорѣе, легче и дешевле, чѣмъ водворившіеся раньше.

Гдѣ же однако находитъ себѣ теперь помощь переселенецъ, являющійся вовсе безъ средствъ, или съ нѣсколькими десятками рублей капитала? Очевидно, помощь тутъ необходима извнѣ; однѣми голыми руками создать себѣ хозяйства онъ не можетъ. Помощь эту онъ находитъ или въ *ссудахъ правительства*, или въ кредитѣ со стороны старожиловъ, или, наконецъ, въ разныхъ *заработкахъ*, какіе можетъ найти.

Въ новѣйшемъ рѣшеніи вопроса о правительственныхъ ссудахъ переселенцамъ мы встрѣчаемся съ тою же неустойчивостью взглядовъ, какую мы выяснили выше и по другимъ существеннымъ вопросамъ переселенческой политики. Одинъ только принципъ твердо

проводится во всѣхъ рѣшеніяхъ по этому поводу,—это именно то, что ссуды должны быть выдаваемы исключительно бѣднѣйшимъ переселенцамъ. Въ опубликованной части основного закона о переселенцахъ 1889 г. мы этого положенія еще не встрѣчаемъ; законъ этотъ просто предоставляетъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ, по взаимному соглашенію ихъ, выдавать переселенцамъ разнаго рода ссуды въ тѣхъ случаяхъ, когда ими будетъ признано необходимымъ оказать тѣмъ или инымъ переселенцамъ особое содѣйствіе со стороны правительства. И вотъ по соглашенію упомянутыхъ министровъ *) рѣшено было постановить общимъ правиломъ, чтобы ссуды выдавались наиболѣе нуждающимся семьямъ переселенцевъ.

Какъ великъ однако былъ этотъ кредитъ и каковъ его максимумъ? Соглашеніемъ трехъ названныхъ министровъ максимумъ этотъ устанавливается очень опредѣленно: онъ долженъ быть не выше 200 рублей, при чемъ рѣчь шла исключительно о ссудахъ на первоначальное обзаведеніе, на пріобрѣтеніе скота и земледѣльческихъ орудій, такъ какъ ссудами на продовольствіе и обсѣменіе полей (не болѣе 2-хъ десят.) по основному закону 13 іюля 1889 г. переселенцы имѣютъ право пользоваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и крестьяне-старожилы, изъ мѣстныхъ продовольственныхъ запасовъ, а при ихъ недостаткѣ изъ губернскаго продовольственнаго капитала. Возвращеніе переселенцами ссуды на обзаведеніе должно было обезпечиваться всѣмъ достояніемъ заемщика, которому до полной уплаты долга предполагалось воспретить отчужденіе возведенныхъ имъ на казенной землѣ построекъ.

Соглашеніемъ министровъ установлены и условія возвращенія ссудъ, а именно возвращеніе ихъ въ теченіе 28 лѣтъ, по истеченіи пяти льготныхъ лѣтъ, ежегодными взносами $6^0/_0$ отъ выданной суммы, въ томъ числѣ $4^0/_0$ процентовъ на капиталъ и $2^0/_0$ погашенія. Обратимъ вниманіе, что въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ полнымъ противорѣчіемъ обычнымъ условіямъ кредита. Здѣсь кредитъ оказывается, такъ сказать, наименѣе, а не наиболѣе кредитоспособнымъ. Въ этомъ однако заключается, правда, важное, но и единственное отступленіе отъ обычныхъ условій кредита.

Едва прошло однако три года, и въ положеніи вопроса о ссудахъ

---

*) Въ январѣ 1891 г.

на обзаведеніе произошли важныя измѣненія. Были изданы новыя Высочайше утвержденныя 5 іюня 1894 года правила о пособіяхъ переселенцамъ. Прежде всего максимумъ ссуды уменьшенъ вдвое; вмѣсто прежнихъ 200 рублей опредѣленъ максимумъ въ 100 р. Самый характеръ ссудъ совершенно измѣнился; онъ потерялъ еще одинъ признакъ обыкновеннаго кредита, такъ какъ упомянутыми правилами установлено, что по ссудамъ этимъ никакихъ процентовъ и пеней не насчитывается; съ другой стороны, однако, введены болѣе тяжелыя условія возврата ссуды: вмѣсто прежнихъ пяти лѣтъ установлено только три льготныхъ года и опредѣленъ для возврата вмѣсто 28-лѣтняго срока 10-лѣтній, равными частями.

Новыми правилами, Высочайше утвержденными 15 марта 1896 г., вновь подтверждаются почти всѣ отдѣльные пункты предшествовавшихъ, и словомъ, ссуда на обзаведеніе совершенно потеряла видъ оказываемаго переселенцамъ кредита, а получила характеръ простого пособія. Этими послѣдними правилами разрѣшается даже выдавать пособія не одними деньгами, а и разными предметами изъ казенныхъ складовъ лѣсныхъ матеріаловъ, земледѣльческихъ орудій и другихъ предметовъ хозяйственнаго устройства и домообзаведенія.

Размѣръ пособія, максимумъ котораго, какъ мы видѣли, установленъ въ 100 р., на практикѣ постепенно сталъ уменьшаться. По даннымъ, сообщаемымъ во Всеподданнѣйшемъ докладѣ статсъ-секретаремъ Куломзинымъ, средній размѣръ ссудъ въ 1895 г. колебался отъ 46,75 р. въ Акмолинской области до 65,47 р. въ Енисейской губ.; въ Тобольской губ. средній размѣръ ссудъ на домоустройство равнялся 57,9 р., въ Томской—59,88.

Еще черезъ годъ и эта ничтожная ссуда подверглась уменьшенію; сначала она была понижена до 50 руб. на семью, а въ 1897 г. опредѣлена уже въ 30 р., да и эту ссуду предписано выдавать не сразу, а въ два пріема. Одновременно уменьшенъ и размѣръ ссудъ, выдаваемыхъ на посѣвъ и продовольствіе; максимальный размѣръ ссудъ на эти двѣ потребности опредѣленъ въ 25 р на семью.

Замѣтимъ, что по глубокому нашему убѣжденію, пособія эти, принося, быть можетъ, иногда кое-какую помощь нѣкоторымъ изъ переселенцевъ, гораздо большему ихъ количеству приносятъ чувствительный вредъ. Уже въ самой основѣ этихъ пособій заключается ошибка, именно въ томъ, что они выдаются бѣднѣйшимъ изъ переселенцевъ, то-есть не приносящимъ съ собою

ничего или что-нибудь вродѣ 13 руб., и эти бѣдняки, съ ихъ 30-тирублевыми пособіями или безъ нихъ, ничего, въ большинствѣ случаевъ, кромѣ горя и мукъ, въ Сибири не встрѣтятъ.

Перейдемъ къ другому источнику помощи, какую можетъ найти въ Сибири переселенецъ, именно, къ *кредиту*, оказываемому ему старожилами. Главнымъ преимуществомъ этого кредита, по сравненію съ правительственными ссудами, является то, что онъ оказываетъ помощь переселенцу своевременно, въ то время, когда кредитъ ему наиболѣе нуженъ, между тѣмъ какъ съ казенной ссудой дѣло обыкновенно тянется изъ-за канцелярскихъ порядковъ долго, и сплошь и рядомъ переселенцу приходится упускать наиболѣе неотложные хозяйственные моменты раньше, чѣмъ онъ успѣетъ получить эту ничтожную ссуду въ нѣсколько десятковъ рублей. Правда, сначала мѣстной администраціей, а затѣмъ и высшимъ правительствомъ приняты были мѣры для скорѣйшей и безотлагательной выдачи этихъ ссудъ; для этого тобольскимъ губернаторомъ разрѣшено было крестьянскимъ чиновникамъ для удовлетворенія неотложнѣйшихъ нуждъ переселенцевъ дѣлать позаимствованія изъ мірскихъ старожильческихъ капиталовъ; позже вмѣсто этого переселенческое управленіе прибѣгло къ слѣдующему, совсѣмъ не казенному способу выдачи этихъ пособій; каждому чиновнику рѣшено было открыть авансъ до 3.000 р., изъ которыхъ ему предоставлено право выдавать переселенцамъ пособія прямо по своему усмотрѣнію безъ предварительныхъ ходатайствъ и переписокъ съ губернскими присутствіями. Однако на практикѣ, только въ первый разъ назначенные авансы были получаемы чиновниками немедленно; послѣдующіе выдавались уже только по представленіи губернскому присутствію отчета въ расходованіи предшествовавшихъ,—и потому ли, или по чему иному, но неотложность въ выдачѣ ссудъ переселенцамъ и этими авансами не была достигнута.

Жалуясь намъ на несвоевременность и крайнюю медленность въ выдачѣ имъ пособій, одна группа переселенцевъ выразилась такъ: „хоть бы процентъ, какой хошь, платить бы стали, только бы ко времю намъ деньжонки дали бы“... И вотъ „ко времю“ эти „деньжонки“ переселенцы получаютъ у старожиловъ и, что курьезнѣе всего, послѣдніе всего чаще даютъ эти деньжонки подъ обезпеченіе будущей казенной ссуды, для чего требуютъ часто и взаправду получаютъ росписку и удостовѣреніе отъ соотвѣтствующихъ кре-

стьянскихъ чиновниковъ въ томъ, что казенная ссуда дѣйствительно уже данному переселенцу назначена.

Каковъ же тотъ „процентъ“, какой переселенецъ при этомъ уплачиваетъ. Замѣтимъ, что кредитъ старожиловъ почти никогда не выражается въ формѣ денежныхъ выдачъ; переселенецъ беретъ у старожила нужные ему предметы и возвращаетъ ему свой долгъ опять-таки не деньгами, а или тоже предметами, но только уже другими, обыкновенно продуктами своего урожая, или же личнымъ трудомъ. И только, такъ сказать, расчеты у нихъ ведутся на деньги, и какъ отпускаемые старожиломъ переселенцу предметы, такъ и обратно возвращаемые послѣднимъ старожилу опредѣляются денежной ихъ стоимостью. И вотъ тутъ-то оказывается, что старожилъ, позволимъ себѣ такъ выразиться, сдираетъ съ переселенца сразу три шкуры. Во-первыхъ, онъ норовитъ сбыть переселенцу всякую дрянь, всякій ненужный ему хламъ: въ видѣ стараго сабана, развалившейся бани, не дающей молока коровы и т. д. Во-вторыхъ, за каждый выданный переселенцу предметъ онъ фактически назначаетъ цѣну почти на 25 и до 100% выше: такъ, если на базарѣ пудъ ржи 30—35 к., старожилъ обыкновенно назначитъ 45—50 к., а часто и прямо вдвое; за пудъ соли платятъ 60—80 к., когда цѣна ея 27 коп.; за фунтъ керосина 8 к. вмѣсто 5 к.; за корову, стоящую 12 р., переселенецъ уплачиваетъ 17 р. и т. д. Съ другой стороны, предметы, получаемые старожиломъ съ переселенца, оцѣниваются имъ наоборотъ на 75—100% дешевле. Напримѣръ, копна сѣна, являющагося наиболѣе частымъ предметомъ для уплаты долга старожилу—послѣднимъ оцѣнивается въ 4 коп., когда на базарѣ ей цѣна 7 к., и по 5 к., когда цѣна 8 к.

Если принять во вниманіе, что срокъ, протекающій между временемъ полученія ссуды переселенцемъ и возвращеніемъ ея старожилу,—въ рѣдкихъ случаяхъ превышаетъ 6 мѣсяцевъ, то легко убѣдиться, что, при переводѣ на обычный коммерческій языкъ, старожилы взимаютъ нѣсколько сотъ процентовъ въ годъ.

Намъ остается познакомиться еще съ тѣми *побочными заработками*, въ которыхъ можетъ найти себѣ поддержку сибирскій переселенецъ, и при этомъ оговоримся, что, на нашъ взглядъ, весьма печальнымъ является фактъ, что уже на первыхъ порахъ, въ то самое время, когда и безъ того на долю переселенца выпадаетъ интенсивная, экстраординарная работа по устройству своего новаго

гнѣзда, что въ это самое время переселенцу приходится зачастую бросать свое собственное дѣло и искать заработковъ. Для этихъ скудныхъ заработковъ ему не зачѣмъ было оставлять родныя мѣста, такъ какъ во всякомъ случаѣ больше заработковъ и притомъ болѣе выгодныхъ онъ нашелъ бы у себя дома, въ Европейской Россіи. Здѣсь въ Сибири, при почти полномъ отсутствіи фабричной и заводской промышленности, при отсутствіи помѣщичьяго хозяйства, переселенецъ можетъ найти работу опять-таки только у старожила, который дѣйствительно иногда нуждается въ работникахъ въ страдную пору. Но тутъ переселенца ждетъ еще бо́льшая эксплуатація. Пользуясь крайней нуждой переселенца, старожилъ всего чаще законтрактовываетъ его на страдную пору и притомъ именно тогда, когда замѣчаетъ, что нужда переселенца достигла своего апогея, когда переселенецъ бросается изъ стороны въ сторону, чтобы добыть кусокъ хлѣба семьѣ. И вотъ тутъ-то онъ отпускаетъ переселенцу хлѣбъ подъ „отработки“, причемъ убрать десятину пшеницы онъ условливается съ нимъ за 2 р. 50 к. и даже за 2 р., между тѣмъ какъ въ страдную пору цѣна достигаетъ 7 руб. За хлѣбъ или другіе предметы, отпускаемые переселенцу, старожилъ опять-таки, по выраженію переселенцевъ, „насчитываетъ“. Нерѣдко старожилъ даетъ переселенцу или „самоходу“, какъ онъ его называетъ, тотъ или другой предметъ съ условіемъ возвратить позднѣе такой же предметъ, а вмѣсто процентовъ отработать опредѣленное количество дней или произвести опредѣленную работу. Въ иныхъ случаяхъ старожилъ прямо нанимаетъ переселенца поденно или помѣсячно, и плата при этомъ назначается чрезвычайно низкая, спускаясь до 10 коп. въ день или 2—3 руб. въ мѣсяцъ; мѣсячная работа женщины оплачивается однимъ, иногда двумя рублями.

Но вотъ переселенцы разыскали свой участокъ, узнали и мѣсто, выбранное производителями работъ при нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ для самой деревни, устроили кое какіе шалаши и внесли жизнь въ поселокъ. Первая забота русскихъ переселенцевъ, какъ мы уже знаемъ, это—построить хату, все равно землянку или деревянную избу. Въ этомъ отношеніи намъ приходилось встрѣчаться съ такими курьезами: переселенецъ, которому указано мѣсто для поселка въ лѣсу, не имѣетъ возможности привезти себѣ лѣсу на

мѣсто, назначенное ему для усадьбы, такъ какъ у него нѣтъ ни лошади, ни телѣги, ни пилы, ни топора. И иной разъ переселенецъ въ лѣсу строитъ себѣ землянку. Еще чаще переселенецъ совершенно не имѣетъ возможности и силъ воспользоваться своимъ правомъ вырубить и вывезти 150 деревъ изъ казеннаго лѣса, въ томъ случаѣ, если лѣсъ этотъ находится въ 5—10 верстахъ отъ поселка. Очень часто поэтому переселенцы покупаютъ какую-нибудь развалившуюся баню или полусгнившій амбаръ у старожиловъ, которые по разборкѣ ихъ доставляются въ переселенческій поселокъ средствами старожиловъ. Еще чаще переселенецъ строитъ себѣ землянку, но и она обходится ему въ 30—35 рублей.

Одновременно съ постройкой избы переселенецъ начинаетъ скупать себѣ скотъ и инвентарь, и опять-таки за всѣмъ этимъ обращается къ старожилу. Укажемъ при этомъ на чрезмѣрный ростъ цѣнъ на скотъ и инвентарь за послѣднія 10 лѣтъ; цѣны эти въ иныхъ случаяхъ утроились: лошадь, стоившая ранѣе въ Западной Сибири 12—15 руб., теперь стоитъ 30 руб. и дороже; корова 6—7 руб., теперь около 20 рублей. Эти цѣны выказываютъ явную наклонность къ дальнѣйшему росту. И въ этомъ ростѣ цѣнъ на предметы первой хозяйственной необходимости мы видимъ лучшій регуляторъ переселенческаго движенія, чѣмъ всякія разрѣшенія или запрещенія. Письма переселенцевъ домой въ деревню о дороговизнѣ и объ увеличивающейся трудности заводиться въ Сибири—дѣйствуютъ и будутъ дѣйствовать гораздо сильнѣе всякихъ убѣжденій со стороны земскихъ начальниковъ.

Вотъ эти-то цѣны разныхъ предметовъ обихода, а съ другой стороны, цѣны на ту или иную работу у старожиловъ, которыя при наплывѣ переселенцевъ, конечно, падаютъ, онѣ-то и входятъ въ составъ понятія о колонизаціонной емкости Сибири. И мы склонны думать, что при нынѣшнихъ условіяхъ емкость эта отнюдь не достигаетъ такихъ размѣровъ, чтобы дать возможность къ поселенію 200 тыс. душъ ежегодно.

Закупивъ лошадь, соху-пермянку, борону, переселенецъ, наконецъ, берется за свою пашню; въ первый годъ, однако, онъ успѣваетъ вспахать лишь одну, рѣдко двѣ десятины.

Приведемъ теперь для нѣкоторыхъ мѣстностей Сибири таблицу, составленную Бларамберскимъ для двухъ округовъ Тобольской губерніи, дающую сравнительную характеристику экономическаго быта

новоселовъ чрезъ два года ихъ пребыванія въ Сибири и ихъ быта на родинѣ:

	Въ Ишимск. округѣ.	На родинѣ.
Посѣвъ въ десятинахъ	2,9	2,5
Лошадей на дворъ	1,7	1,2
Коровъ на дворъ	1,3	0,9

	Въ Тюкалинск. округѣ.	На родинѣ.
Посѣвъ въ десятинахъ	2	2
Лошадей на дворъ	1,8	1,3
Коровъ на дворъ	1,8	1,2

При первомъ взглядѣ на эти цифры мы могли бы придти къ заключенію, что экономическій бытъ переселенца съ переселеніемъ улучшился: площадь посѣва оказалась въ Тюкалинскомъ округѣ та же, что на родинѣ, въ Ишимскомъ почти та же; количество лошадей и коровъ на дворъ нѣсколько увеличилось; на 0,5 лошади и 0,4 коровы въ Ишимскомъ округѣ и на 0,6 лошади и 0,6 коровы въ Тюкалинскомъ. Если мы однако примемъ во вниманіе, что сибирскія коровы въ среднемъ даютъ меньше молока, чѣмъ коровы Европейской Россіи, если мы обратимъ вниманіе на то, что при трудности вспахиванія сибирской дѣвственной почвы, заставляющей зачастую впрягать 3 лошади или даже 3 пары воловъ, а также при обширности сибирскихъ разстояній—хозяйственное значеніе лошади уменьшается,—мы легко поймемъ, что увеличеніе средняго количества коровъ или лошадей на 0,4 или на 0,6 на дворъ въ дѣйствительности обозначаетъ не ростъ благосостоянія новоселовъ, по сравненію съ ихъ бытомъ на родинѣ, а, наоборотъ, паденіе. Къ тому же заключенію мы придемъ, если вспомнимъ, что имѣя ту же величину посѣва, переселенецъ на родинѣ имѣлъ разнообразные побочные заработки, которыхъ въ Сибири почти нѣтъ, а если когда переселенецъ и найдетъ ихъ у старожила, то, вѣдь, мы уже знаемъ, какъ это оплачивается.

Можно было бы подумать, что эти печальныя на нашъ взглядъ данныя о результатахъ переселенія объясняются недолгимъ существованіемъ поселковъ въ указанныхъ округахъ. Приведемъ однако слѣдующія цифры изъ данныхъ, сообщенныхъ А. А. Кауфманомъ. Возьмемъ его данныя для переселенцевъ Томской губерніи, явившихся въ 1880—1889 гг., и притомъ только для переселенцевъ,

пришедшихъ безъ денегъ и съ однимъ рабочимъ въ семьѣ, и для переселенцевъ, принесшихъ болѣе 200 рублей, и съ многими рабочими.

	Для пришедшихъ безъ денегъ и съ однимъ работникомъ.	Для пришедшихъ съ болѣе чѣмъ 200 руб. и многими работн.
Посѣвъ въ десятинахъ . . .	2,9	14,9
Лошадей.	1,6	5,6

Выходитъ, именно, то, что и слѣдовало ожидать: положеніе первой группы переселенцевъ и чрезъ большой промежутокъ времени почти не отличается отъ положенія на родинѣ; вторая же группа достигла высшаго уровня *благосостоянія*.

Попробуемъ подвести теперь итоги нашимъ наблюденіямъ. Несмотря на приведенные нами неудовлетворительные, на нашъ взглядъ, результаты, которые повлекло за собою вмѣшательство правительства въ дѣло переселенія, мы считаемъ, однако, вмѣшательство государства въ это дѣло и нормированіе имъ переселенія дѣломъ необходимымъ и желательнымъ. Мы позволимъ себѣ только пожелать, чтобы вѣдомство, завѣдующее переселенческимъ дѣломъ, приводило въ исполненіе свои рѣшенія не при помощи земскихъ начальниковъ или полиціи, а чрезъ посредство спеціальныхъ своихъ органовъ, составленныхъ изъ людей, знающихъ Сибирь и знакомыхъ съ промышленнымъ дѣломъ. Органы эти должны быть двухъ родовъ: во-первыхъ, такіе, которые бы функціонировали въ предѣлахъ Европейской Россіи во всѣхъ пунктахъ, дающихъ большое количество переселенцевъ. Подобные органы существуютъ съ давнихъ поръ въ Англіи и оказываютъ тамошнимъ эмигрантамъ громадныя услуги. Органы эти должны образовать особыя бюро справокъ, гдѣ желающіе могли бы получить всѣ необходимыя для нихъ свѣдѣнія и справки по переселенческому дѣлу; тутъ должны быть собраны и сюда должны сообщаться всѣ свѣдѣнія о вновь нарѣзанныхъ участкахъ, о цѣнахъ, объ условіяхъ переселенія и т. д., чтобы бюро были въ состояніи давать болѣе толковыя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, какія могутъ быть собраны ходоками. Другой родъ органовъ переселенческаго управленія долженъ функціонировать въ самой Сибири и состоять по преимуществу изъ агрономовъ, которые должны слѣдить за ходомъ образованія поселковъ и перваго

обзаведенія переселенцевъ, помогать имъ совѣтами, хлопотать о введеніи улучшенныхъ орудій и болѣе культурныхъ видовъ хозяйства. Недавній опытъ Курганскаго округа, гдѣ благодаря иниціативѣ частныхъ лицъ и мѣстнаго губернскаго агронома развилось маслодѣліе, принявшее теперь колоссальные размѣры, показываетъ, какъ много можетъ быть достигнуто при разумной иниціативѣ частной или правительственной.

Совершенно оставлена должна быть система грошевыхъ пособій, которыя приносятъ иногда пользу, но чаще вредъ. Одновременно съ этимъ необходимо развитіе широкаго *кредита* переселенцамъ. Для этой цѣли отнюдь не слѣдуетъ пользоваться органами министерства внутреннихъ дѣлъ, а должно быть основано спеціальное учрежденіе, вродѣ переселенческаго банка. Переселенцу долженъ оказываться на извѣстныхъ условіяхъ кредитъ, а отнюдь не пособіе. Кредитъ, однако, долженъ быть предоставляемъ отнюдь не бѣднѣйшимъ переселенцамъ, а кредитоспособнымъ, при чемъ при опредѣленіи кредитоспособности должны приниматься во вниманіе не одни денежныя средства переселенца, а въ равной, если не въ преимущественной мѣрѣ, — его дѣеспособность, составъ его семьи и т. п. Открытіе кредита необходимо въ мѣстностяхъ выселенія, а не въ самой Сибири, но въ послѣдней должны находиться отдѣленія банка, которыя должны наблюдать за ходомъ развитія хозяйства у переселенцевъ, оказывать имъ содѣйствіе, открывать дополнительные кредиты, а также взыскивать долги съ переселенцевъ, уже достигшихъ успѣха. Если бы правительство не нашло возможнымъ открыть государственный переселенческій банкъ, солидно поставленный, съ значительнымъ основнымъ капиталомъ, — оно должно уступить эту роль частнымъ компаніямъ, конечно, очень солиднымъ и съ крупнымъ капиталомъ.

Дозволено цензурою. Москва, 25 сентября 1902 г.

типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° москва.